

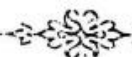
† 13-го ноября 1883 г.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

ЕГО ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ.

Оттиски изъ историческаго журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“
изд. 1884 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1884.

Средняя Подъяческая, д. № 1.
2545.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ,

род. 2-го іюля 1834 г., † 13-го ноября 1883 г.

Посмертныя Записки о его жизни

Извѣстный педагогъ-писатель, землевладѣлецъ Екатеринославской губерніи, получившій образованіе въ Александровскомъ лицѣѣ (кончилъ курсъ съ серебряной медалью въ 1854 году), покойный баронъ Н. А. Корфъ принадлежитъ къ тому, весьма немногочисленному у насъ, разряду людей, которые предпочли выгоды блестящей служебной карьеры несравненно болѣе скромной педагогической дѣятельности и посвятили все свое дарованіе, всѣ свои силы дѣлу служенія народному образованію.

Подобная рѣшимость со стороны барона Корфа представляется тѣмъ большою заслугою, что и по времени онъ является однимъ изъ первыхъ борцовъ за устроеніе народно-школьнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ. Конечно, присматриваясь ближе къ этой дѣятельности, нельзя не замѣтить въ ней промаховъ и нѣкоторой односторонности, въ чрезмѣрномъ увлеченіи иноземными образцами, но тѣмъ не менѣе, нельзя не воздать должнаго той энергіи и талантливости, той сердечной любви къ дѣлу, съ какими покойный баронъ Н. А. Корфъ проводилъ въ жизнь и въ общественное сознаніе свои любимыя идеи; должно преклониться предъ тою стойкостью, съ какою онъ, среди многочисленныхъ препятствій, до конца жизни своей, служилъ горячѣ любимому имъ дѣлу народнаго образованія.

Первое наиболѣе видное проявленіе этой разносторонней и выдающейся дѣятельности относится къ эпохѣ 1860-хъ годовъ, когда великія реформы прошлаго царствованія выдвинули, между прочимъ, на первый планъ и вопросъ о народномъ образованіи. Избранный въ 1866 году въ число гласныхъ Александровскаго уѣзда и знакомясь на мѣстѣ съ земскимъ хозяйствомъ, положеніемъ крестьянъ

и вновь народившимися для нихъ нуждами, Н. А. Корфъ, въ слѣдующемъ 1867 году, впервые выступаетъ въ роли вчинателя и энергичнаго устроителя земско-школьнаго дѣла. Знакомый съ положеніемъ народнаго образованія въ Западной Европѣ, горячій поклонникъ нѣмецкой педагогій, онъ усердно принимается за основаніе народныхъ школъ на «новыхъ началахъ» въ Александровскомъ уѣздѣ, устраиваетъ ихъ по всѣмъ правиламъ современной педагогій, несмотря на скудныя средства, неустанно хлопочетъ о возбужденіи сочувствія къ новому дѣлу среди земства, учреждаетъ учительскую семинарію, готовитъ учителей для земскихъ школъ, руководитъ учительскими сѣздами, пишетъ отчеты, принимается самъ за составленіе учебниковъ, — словомъ, проявляетъ такую плодотворную, кипучую дѣятельность, что въ скоромъ времени обращаетъ на себя вниманіе печати и общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старательно развиваетъ ту мысль, что педагогія есть наука социальная, въ развитіи и правильной постановкѣ которой заинтересовано все общество. Какъ извѣстно, искреннее увлеченіе барона Н. А. Корфа дѣломъ народнаго образованія, въ связи съ публицистическимъ талантомъ, дѣйствительно, весьма много способствовало развитію въ обществѣ интереса къ этому дѣлу и подготовило для него прочную почву, не только въ Александровскомъ уѣздѣ, но и во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ земство дѣлало съ своей стороны все возможное, дабы поддержать благое дѣло.

Этотъ періодъ земской дѣятельности является вполне блестящей страницей въ жизни барона Н. А. Корфа и признаніе личныхъ заслугъ его сказалось не только въ сочувствіи и довѣріи мѣстнаго населенія къ школамъ, имъ устроеннымъ, но также въ цѣломъ рядѣ чествованій, оказанныхъ ему различными учрежденіями. Такъ, въ 1871 году, Московскій университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ; въ 1873 году Петербургскій комитетъ грамотности наградилъ его золотою медалью за труды по народному образованію.

Но общественная служба повсюду, а въ молодомъ еще русскомъ обществѣ, столь недавно призванномъ къ самодѣятельности, еще того чаще, полна дразгъ, пошлости, сплетень, которыя всею тяжестью гнетутъ тѣхъ немногихъ еще у насъ лицъ, которыя беззавѣтно, съ полнымъ увлеченіемъ, отдаются служенію общему благу. Вся эта пошлость гнетомъ легла на добраго, умнаго и въ высшей степени полезнаго дѣятеля какъ для мѣстнаго края, такъ и для всей Россіи, какимъ былъ баронъ Н. А. Корфъ.

Испытавъ много горя въ своемъ же родномъ краю, онъ вынужденъ былъ его оставить и уѣхать за границу, въ Швейцарію. Въ Женевѣ онъ устроилъ русскую семейную школу и трудился въ ней съ тою

же энергією и добросовѣстностью, которая отличала все его дѣйствія. Последніе годы своей жизни Н. А. Корфъ провелъ въ своемъ имѣніи, гдѣ и предавался кабинетнымъ трудамъ до тѣхъ поръ, пока жажда общественнаго дѣла вновь его не увлекла: онъ явился въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1881 г. Встрѣченъ былъ здѣсь всеми интересующимися дѣломъ народнаго образованія съ полнымъ уваженіемъ. Близко ознакомился съ цѣлою сѣтью превосходно устроенныхъ Городскою Думою училищъ;—онъ былъ рѣшительно въ восторгѣ отъ нихъ и передалъ свои впечатлѣнія и замѣтки въ обширной и интересной статьѣ, явившейся въ «Вѣстникѣ Европы» (іюнь, 1882 г.) ¹⁾.

Изъ числа педагогическихъ сочиненій Н. А. Корфа наибольшую извѣстностью пользуются слѣдующія: «Руководство къ обученію грамотѣ», «Русская начальная школа», «Нашъ другъ», «Малютка» и нѣкоторыя другія. Кромѣ того покойный помѣстилъ множество статей по вопросамъ педагогическимъ и общественнымъ въ различныхъ временныхъ изданіяхъ, а именно въ журналахъ: «Недѣля», «Петербургскія Вѣдомости», «Народная Школа», «Семья и Школа», «Вѣстникъ Европы».

Многія изъ этихъ статей были собраны и отпечатаны впоследствии отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіями: «Земскій вопросъ» и «Наше школьное дѣло».

---

¹⁾ Къ этому времени относится наше личное знакомство съ барономъ Н. А. Корфомъ, о чемъ мы сохраняемъ самыя пріятныя воспоминанія. Въ обширномъ альбомѣ редакціи „Русской Старины“ автографовъ русскихъ дѣятелей (томъ II, стр. 118) нашъ новый знакомый внесъ слѣдующія нынѣ особенно драгоцѣнныя для насъ строки:

„Въ память дорогаго для меня свиданія съ глубоко-уважаемымъ редакторомъ историческаго журнала, на которомъ воспиталась лучшая часть русскаго современнаго общества, вынесшая изъ прошлаго стремленіе впередъ, при любви къ „Русской Старинѣ“.

„Баронъ Николай Александровичъ Корфъ“.

„29-го декабря 1881 года“.

Тогда же при нашемъ личномъ свиданіи мы просили бар. Н. А. Корфа приступить къ своей автобіографіи, имѣя въ виду, что разсказъ о пережитомъ и передуманномъ такимъ человѣкомъ весьма полезенъ въ воспитательномъ отношеніи. Онъ не замедлилъ исполнить мою просьбу: присланы были первыя главы этой автобіографіи, которыя мы и представляемъ на страницахъ „Русской Старины“, скорбя о томъ, что автора Записокъ уже нѣтъ на свѣтѣ и смоль въ вѣки одинъ изъ даровитѣйшихъ общественныхъ борцовъ за начальную народную школу, за ея упроченіе и развитіе въ дорогомъ нашемъ отечествѣ.

Всѣ педагогическіе и литературные труды барона Н. А. Корфа имѣли большой успѣхъ, а многіе изъ нихъ (напримѣръ «Нашъ другъ») выдержали 12 изданій.

Вообще каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки какъ произведеній педагогическихъ, но даровитость ихъ автора и его искренняя, пылкая любовь къ дѣлу, повторяемъ еще разъ, даютъ барону Н. А. Корфу неоспоримое право на благодарность современниковъ и на весьма видное мѣсто среди отечественныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія.

О. А.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Записки барона Н. А. Корфа.

Сорокъ восемь лѣтъ проживъ на свѣтѣ (1834—1882 гг.), уже чувствуешь потребность подвести итогъ своимъ жизненнымъ впечатлѣніямъ и въ прошломъ искать силъ для будущаго, насколько это послѣднее предстоитъ. Окончаніе мною курса въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ совпадаетъ съ началомъ того великаго царствованія, которому суждено было обновить Россію: освобожденіе крестьянъ совершилось на моихъ глазахъ, при чемъ, какъ помѣщикъ, я былъ въ этомъ дѣлѣ заинтересованною стороною; либеральное движеніе въ дворянскихъ собраніяхъ, предшествовавшее введенію земскихъ учрежденій, самое осуществленіе земскихъ собраній и управъ, введеніе судебной реформы и положенія о народныхъ училищахъ состоялись при моемъ непосредственномъ усиленномъ участіи; помню я также и откупа, и замѣну ихъ нынѣ дѣйствующею акцизною системою; на себѣ испыталъ я предварительную цензуру для столичныхъ газетъ и журналовъ, въ качествѣ сотрудника періодическихъ изданій, и затѣмъ переживалъ послѣдствія законовъ о печати 1866 года, которые считались, при появленіи, временными и первымъ шагомъ къ свободѣ печати. Много пережито!... И все это пережито мною въ провинціи, въ глуши доставшагося мнѣ отъ матушки села въ Новороссіи, въ которомъ я прожилъ безвыѣздно 13 лѣтъ, но при непрерывномъ общеніи со столицами и при перепискѣ съ 250 корреспондентами отъ Колы до Кутаиса, отъ Варшавы до Омска; интереснѣйшія письма ихъ мною сохранены; но работать приходилось мнѣ не въ одной Россіи: два раза ѣздилъ я на продолжительное

время за-границу, а въ Швейцаріи прожилъ я восемь лѣтъ подрядъ, не прерывая связи съ русскою печатью и отечествомъ. Многое пришлось пережить при такихъ условіяхъ и тѣмъ больше, что мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, когда я лишился матери; мо- ложе шести лѣтъ навсегда разстался я съ отческимъ кровомъ, а двадцати-двухъ лѣтъ уже былъ женатъ на М. М. Клевцовой, съ которою и живемъ, благодареніе Богу, уже двадцать шестой годъ, выростивъ и воспитавъ двухъ дочерей и доживъ до внука отъ старшей.

Какъ найтись и разобраться среди массы самыхъ разнообразныхъ воспоминаній изъ частной и общественной жизни? Послѣднія будутъ несомнѣнно преобладать въ предлагаемыхъ очеркахъ и красною нитью по нимъ будетъ проходить мое посильное служеніе земскому дѣлу и дѣлу народнаго образованія. Педагогу, который, начиная съ пятнадцатилѣтняго возраста, не проводилъ ни однихъ каникулъ, не обучая какого-нибудь крестьянскаго мальчика, который уже въ лицеѣ имѣлъ случай, какъ узнаютъ впослѣдствіи читатели, преподавать одному изъ своихъ товарищей, а позже читать лекціи всеобщей исторіи и педагогіи взрослымъ, преподавать юношеству многіе предметы и давать уроки въ народныхъ школахъ; человѣку, для котораго всѣ интересы частной и общественной жизни свелись къ вопросу о просвѣщеніи и воспитаніи, дозволяютъ прослѣдить, прежде всего, за тѣмъ, какіе люди и какія обстоятельства повліяли на его собственное воспитаніе и создали въ немъ тѣ принципы и идеалы, благодаря которымъ онъ могъ представить изъ себя почву, хоть сколько-нибудь предуготованную для того благодѣтельнаго и плодотворнаго посѣва, который произведенъ въ Россіи преобразовательною дѣятельностію въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Баронъ Н. А. Корфъ.

17-го іюля 1882 г.

С. Нескучное.

I.

Легко-ли мнѣ дать себѣ отчетъ въ томъ, кто повліялъ на меня въ дѣтствѣ моемъ и въ юности, когда закладываются нравственные основы на всю жизнь? Нѣтъ, крайне трудно. Вѣдь воспитываетъ не только семья и школа, но вся житейская обстановка. Но попытаемся, насколько это исполнимо, воскресить, въ памяти, людей и мѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ складывались мои чувства и убѣжденія. Вызывая минувшіе образы дорогихъ мнѣ людей, я долженъ остановиться, прежде всего, на покойномъ отцѣ, съ которымъ я видѣлся въ послѣдній разъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и свѣтлый образъ котораго, тѣмъ не менѣе, стоитъ живымъ предо мною со всѣми мелочными подробностями, даже внѣшней обстановки. Неизгладимыми чертами врѣзалась въ памяти моей его привѣтливѣйшая, открытая, благородная наружность, отражавшая на себѣ необычайную чистоту его души. Помню я и такой вздоръ, что батюшка курилъ въ трубкѣ „Жуковъ табакъ“, бывшій въ то время во всеобщемъ употребленіи, давалъ мнѣ играть своимъ гербовымъ перстнемъ, которымъ и по настоящее время снабжаются остзейскіе дворяне въ день совершеннолѣтія; помню я и то, что покойный отецъ, воспитанный въ „Лицейскомъ пансіонѣ“, въ то время еще бывшемъ самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, прекрасно владѣлъ двумя иностранными языками и любилъ пользоваться ими, какъ всѣ свѣтскіе люди того времени. Но помню я, кромѣ этихъ мелочей, и многое такое объ отцѣ, что не могло не оставить глубокаго слѣда на мнѣ, его единственномъ сынѣ. Отецъ посадить меня, бывало, къ себѣ на колѣни и, всматриваясь въ меня своими безгранично добрыми глазами, говоритъ: „Коля, кто твой другъ?“ — „Ты“, отвѣчаю я, бывало. Такъ сиживали мы вдвоемъ, когда мнѣ еще не было шести лѣтъ; когда мы еще жили въ Москвѣ, въ концѣ 1830-хъ годовъ, въ Москвѣ, которую я увидѣлъ взрослымъ только лѣтъ 15 позже и которая до тѣхъ поръ, по воспоминаніямъ ранняго дѣтства, послѣ знакомства съ Петербургомъ, представлялась мнѣ необъятнымъ селомъ съ огромной башней, множествомъ церквей и обиліемъ качель на Пасху. Такъ сиживали мы съ покойнымъ батюшкой и позже, когда мнѣ было уже лѣтъ

десять. Время же отъ шестилѣтняго до десятилѣтняго возраста я провелъ въ разлукѣ съ отцемъ, который продолжалъ однако оставаться моимъ единственнымъ другомъ на землѣ: матери своей я не зналъ, но къ памяти ея отецъ счумѣлъ внушить мнѣ самое высокое почитаніе. Помню, что въ домѣ сестры ея, моей тетки, баронессы Т. Т. Корфъ, я впервые увидѣлъ поясной портретъ покойницы матушки, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что, заболѣвъ однажды лихорадкою, я, какъ мнѣ затѣмъ рассказывали, бывши семилѣтнимъ ребенкомъ, бредилъ матушкою, ласки которой я не могъ помнить и попеченія которой мнѣ недоставало. Отецъ мой, годъ послѣ смерти моей матери, когда мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, вступилъ во второй бракъ и братья отца рассказывали мнѣ, что онъ мотивировалъ этотъ шагъ стремленіемъ къ тому, чтобы я не былъ лишень материнскаго ухода; вѣрю этому потому, что мнѣ положительно извѣстно, что невѣста отца, на вопросъ его, какой поднести ей подарокъ, отвѣчала просьбою съѣздить за мною въ Екатеринославъ и привезти меня къ ней въ Москву для того, чтобы она могла сама поднести меня ко святому причастію. Малютку повезли за семьсотъ верстъ; но не минуло мнѣ еще и шести лѣтъ, какъ бѣдный отецъ уже разсудилъ, что для моего счастья необходимо удалить меня изъ дому; повезли меня въ имѣніе тетушки, о которой я уже упоминалъ и къ которой еще возвращусь, и ей отецъ довѣрилъ своего маленькаго друга, не умѣвшаго еще цѣнить его, но уже умѣвшаго любить его и утѣшать себя на чужбинѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ, бывало, отецъ говорить: „Коля, кто твой другъ?“ Культъ мой къ отцу не ослабѣвалъ и въ разлукѣ съ нимъ въ теченіе двухъ лѣтъ и до сей поры помню я еще, какъ стучало мое сердце, когда отецъ пріѣзжалъ на свиданіе со мною издалека. Да, батюшка былъ первымъ, вызвавшимъ во мнѣ чувство любви, которое свойственно человѣку, но можетъ проявить себя, т. е. возникнуть для нашего наблюденія, зародиться только тамъ, гдѣ его питаютъ. Любовь къ человѣчеству можетъ сложиться лишь въ видѣ дальнѣйшаго развитія привязанности къ отдѣльнымъ лицамъ и въ этомъ отношеніи батюшка, заставивъ боготворить себя, оказалъ мнѣ неоцѣненную услугу и тѣмъ большую, что онъ никогда не баловалъ меня, но былъ взыскателемъ.

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда я, благодаря отцу, уже

умѣлъ любить не только тѣхъ изъ людей, которые кормили меня пряниками, но и тѣхъ, которые, любя меня, относились ко мнѣ взыскательно. Помнится мнѣ,—будто это происходило сегодня,—такой случай: было мнѣ въ то время лѣтъ девять и я, послѣ двухлѣтней разлуки съ отцемъ и пребыванія въ домѣ тетки въ Воронежской губерніи, на короткое время возвратился къ отцу въ Новгородъ; сидимъ мы, помнится, за обѣдомъ и подаютъ какое-то вкусное блюдо; я, обращаясь къ слугѣ, говорю: „дай еще“; слуга подносить блюдо, а отецъ кричитъ (онъ былъ вспыльчивъ): „мимо!“... Что это означало? Это значило то, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда крѣпостное право еще существовало во всей силѣ и вся домашняя прислуга отца была изъ крѣпостныхъ, батюшка требовалъ отъ своего сына, чтобы онъ не только не позволялъ себѣ приказывать прислугѣ, но и не смѣлъ ожидать отъ нея какихъ бы то ни было услугъ, если въ обращеніи къ ней упустилъ слово „пожалуйста“; въ данномъ случаѣ меня обнесли блюдомъ за то, что я не сказалъ, обращаясь къ лакею: „подай мнѣ еще пожалуйста“. Само собою разумѣется, что такія предписанія ни къ чему бы не вели, если бы отецъ не поучалъ меня собственнымъ примѣромъ; но глубочайшее впечатлѣніе на меня производило то, что вся прислуга считала „батюшку Александра Ѳедоровича“ буквально святымъ. Я же имѣлъ возможность узнать образъ мыслей прислуги, такъ какъ составлялъ съ нею, такъ сказать, одну и ту-же партію: и прислугѣ, и мнѣ въ равной мѣрѣ приходилось страдать отъ домашнихъ невгодъ, которыхъ не могъ предотвратить отецъ, но отъ которыхъ онъ старался всѣчески насъ защищать; прислуга и безъ того жалѣла меня, какъ сиротку, осужденнаго въ самомъ нѣжномъ возрастѣ на скитальческую жизнь (Харьковъ, Екатеринославъ, Москва, Воронежская губернія, Новгородъ, Петербургъ и все это въ возрастѣ отъ двухъ до десяти лѣтъ!), а тутъ еще сближала меня съ нею общность нашей участи: терпѣть, по возможности, для того, чтобы не огорчать отца, или и его не подвести подъ гнѣвъ, если онъ станетъ защищать насъ. Въ числѣ слугъ нашихъ было нѣсколько прекрасныхъ, почтенныхъ людей, знававшихъ еще покойницу ма-тушку и старавшихся какъ бы замѣнить ее по отношенію ко мнѣ; если только дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ рѣдко даже просвѣщенные взрослые люди знаютъ о чемъ и какъ говорить

съ ребенкомъ, легко представить себѣ, чего я не наслушался отъ прислуги, къ которой я былъ привязанъ, оставаясь, по счастію, впрочемъ нравственно чистымъ не только въ раннемъ дѣтствѣ, но и гораздо позже. Сколько часовъ проведено мною украдкою, въ то время, пока отецъ былъ занятъ службою, въ бесѣдахъ о житьѣ-бытьѣ крестьянъ въ деревнѣ покойницы матушки, въ которой я теперь пишу эти воспоминанія и гдѣ уже осталось крайне мало стариковъ, няньчившихъ меня, когда я былъ младенцемъ. Во всѣхъ разказахъ свѣтлою чертою проходило то, что люди, зависѣвшіе отъ матери и отца, благословляли ихъ, а я, помнится мнѣ, уже очень рано сталъ мечтать о томъ, какъ и меня, дастъ Богъ, полюбятъ крестьяне, когда наступитъ моя очередь распоряжаться. Батюшка, при всей вспыльчивости своей, былъ не только добръ и справедливъ по отношенію къ окружающимъ его крѣпостнымъ людямъ, но и въ манерѣ своей съ ними въ высшей степени человѣченъ, воспитывая во мнѣ чувство стыда за какое бы то ни было несдержанное слово по отношенію къ людямъ, случайно не пользующимся нашимъ общественнымъ положеніемъ.

Годъ, прожитый мною съ отцемъ въ Новѣгородѣ (1843-й годъ), оставилъ на мнѣ, въ воспитательномъ смыслѣ, неизгладимый слѣдъ въ томъ отношеніи, что я ежедневно убѣждался въ доступности отца народу и въ близости его къ нему. Батюшка былъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ въ Новѣгородѣ, т. е. занималъ такую должность, которая не только въ эти отдаленныя времена, но и гораздо позже не вселяла государственнымъ крестьянамъ ничего, кромѣ страха; но не то видѣлъ я постоянно въ такомъ возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія настолько живы, что становятся неизгладимыми: не проходило дня, чтобы отецъ не принималъ въ своемъ кабинетѣ крестьянъ, относившихся къ нему съ величайшимъ расположеніемъ; при этомъ прислуга, съ которою я состоялъ въ дружбѣ, настойчиво поясняла мнѣ неоднократно, что „батюшка Александръ Ѳедоровичъ“ не только не беретъ съ крестьянъ и чиновниковъ, но еще своими деньгами помогаетъ имъ. Я весьма рано сталъ гордиться отцемъ своимъ, не высокими чинами его, которыми онъ не обладалъ, и, судя по карьерѣ его, не интересовался, но тѣмъ, какъ относились о немъ всѣ, отъ мала до велика, его знававшіе. Это чувство, появившееся во мнѣ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, сохранилось до гораздо поз-

днѣйшаго времени: въ 1847 году не стало этого человѣка, въ лучшемъ смыслѣ слова, а въ 1855 году, десять лѣтъ послѣ служенія отца въ Новѣгородѣ, уже по окончаніи курса въ лицей, поѣхалъ я въ Новгородъ нарочно для того, чтобы поклониться историческимъ древностямъ Новгородскимъ и хоть издали взглянуть на тотъ домъ, въ которомъ, послѣ двухлѣтней разлуки, я прожилъ съ отцомъ одинъ годъ и гдѣ я разстался съ нимъ десяти лѣтъ навсегда, такъ какъ съ тѣхъ поръ видѣлъ его лишь одинъ разъ въ Петербургѣ, разбитаго параличемъ настолько, что онъ едва узналъ меня. Подъѣзжая къ Новгороду, на тройкѣ, съ ямщикомъ изъ государственныхъ крестьянъ, я, не называя себя, спросилъ его, помнитъ ли онъ того Корфа, который лѣтъ десять тому назадъ былъ здѣсь управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ; судорожно сжалось мое сердце, когда я услышалъ: „Какъ не помнитъ, кто же его не помнитъ? То была добрѣйшая душа“.

II.

До Новагорода, т. е. проживъ на свѣтѣ лѣтъ восемь, я, по воспоминаніямъ, не имѣлъ родины, благодаря моей скитальческой жизни: родившись въ 1834 году въ Харьковѣ, я только годъ съ небольшимъ прожилъ съ матерью и отцемъ въ деревнѣ Нескучной, Екатеринославской губерніи, моемъ настоящимъ мѣстопробываніи. Затѣмъ попалъ я, на короткое время, въ Екатеринославъ въ возрастѣ несознательномъ; отъ трехлѣтняго до шестилѣтняго возраста прожилъ я съ отцемъ, уже вступившимъ во второй бракъ, какъ я говорилъ, въ Москвѣ; но о ней не сохранилъ рѣшительно никакихъ воспоминаній, что зависѣло отъ возраста. Новгородская жизнь продолжалась не настолько, чтобы получить значеніе родины; да къ тому же городская обстановка оставляетъ гораздо менѣе сельской слѣдовъ на ребенкѣ: можетъ-ли однообразіе города соперничать съ величественнымъ, для дитяти, разнообразіемъ села, гдѣ, что ни кустъ, то событіе, что ни шагъ, то новое явленіе. Вотъ, чѣмъ и объясняю себѣ то, что когда я, бывало, въ позднѣйшемъ возрастѣ, мысленно стремился перенестись на родину, то мысли мои переносились въ Малороссію и я чувствовалъ себя малороссомъ, вспоминая о томъ, какъ я прожилъ,

въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѳеевны Корфъ, два счастливыхъ года въ малорусской части Воронежской губерніи; къ тому же и прислуга въ домѣ отца, о которой я упоминалъ, была вся изъ малороссовъ. Этими воспоминаніями дѣтства, быть можетъ болѣе, нежели тѣмъ, что мать моя была малороссіянка, объясняется то, что когда я судьбою былъ на десять лѣтъ заброшенъ въ Питеръ, то тамъ не могъ слышать, безъ млѣнія и содроганія сердечнаго, рѣчи на „о“, обличающей малоросса, въ противоположность великороссу, выпѣвающему и растягивающему произносимыя имъ слова на „а“. Какъ бы то ни было, но два года, прожитые мною въ дѣтствѣ въ средѣ малороссовъ, играютъ такую роль въ моихъ позднѣйшихъ симпатіяхъ къ южной Россіи, при твердомъ сознаніи въ себѣ общерусскаго начала, унаслѣдованнаго, быть можетъ, еще отъ отца, совершенно обруссѣлаго, и по нравамъ и по возрѣніямъ, остзейца, что я не могу умолчать о нихъ, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ, какіе люди и обстоятельства могли имѣть воспитательное вліяніе на меня.

Говоря до сихъ поръ о томъ, что эти два счастливыхъ года, послужившихъ началомъ сближенія моего съ югомъ Россіи, гдѣ пришлось впоследствии принести въ жертву общественной пользѣ свои лучшіе годы и свое здоровье, прожиты въ домѣ тетки Корфъ, я выражался неточно. Дѣло въ томъ, что мой шестилѣтній возрастъ засталъ эту почтенную женщину, сестру покойной матушки, вдовою съ сыномъ, барономъ Николаемъ Васильевичемъ Корфомъ, десяти лѣтъ, и дочерью семи лѣтъ. Тетушка, хотя и обладала только тѣмъ образованіемъ, которое у насъ въ 1830-хъ годахъ предоставлялось женщинамъ, но крайне серьезно отнеслась къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей и, находя, что для воспитанія мальчика нужны мужскія руки, переѣхала въ семью одного изъ помѣщиковъ Воронежской губерніи, къ отцу нашего уважаемаго профессора и публициста Д. Д. Градовскаго; у Д. Д. Градовскаго были свои дѣти, обученію которыхъ предстояло себя посвятить; къ нему же въ семью привезли двухъ сыновей помѣщика Засядко. Помню, какъ зимою я впервые увидѣлся съ теткою въ домѣ отца, въ Москвѣ, и какъ живой стоитъ еще предо мною покойный батюшка, заливаясь слезами, пока меня обворачиваютъ въ шарфъ, укутываютъ и усаживаютъ въ кибитку: „съ Богомъ“, говоритъ отецъ ямщику и везетъ меня тетушка въ

имѣніе Градовскаго, въ Волчье. Тамъ собралось насъ, считая учившихся уже въ то время дѣтей нашихъ хозяевъ, всего семеро дѣтей, образовалась „семейная школа“ лѣтъ двадцать пять раньше того, что возникло у насъ въ обществѣ это названіе и что въ городахъ семейства стали соединяться для совмѣстнаго воспитанія дѣтей. Въ учебномъ отношеніи я не отставалъ, а потому, прибывъ въ Волчье шести лѣтъ, уже умѣлъ читать по русски и по нѣмецки, а тутъ приступилъ къ французскому чтенію; но твердо помню, что я не надрывался ради успѣховъ и былъ не изъ прилежныхъ. Долженъ отдать справедливость Д. Д. Градовскому въ томъ, что онъ для всѣхъ насъ былъ роднымъ отцемъ, всецѣло посвящалъ себя своей школѣ и всѣхъ насъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ; но онъ былъ въ высшей степени добръ и справедливъ и при этомъ, никогда ничѣмъ не отличая своихъ кровныхъ дѣтей отъ насъ, не жорилъ насъ надъ книгою, а предоставлялъ намъ просторъ наслаждаться роскошнымъ разнообразіемъ явленій сельской жизни. Тутъ-то, въ семьѣ Градовскаго, я настолько привязался къ селу, что позднѣйшее городское воспитаніе, продолжавшееся цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, и даже десятилѣтнее пребываніе въ холодномъ Питерѣ, заставили меня забыть всѣ породы деревьевъ и цвѣты, которые я любилъ на югѣ Россіи, разучиться даже умѣнью отличать другъ отъ друга колосовыя хлѣба во время всхода, отчасти въ зернѣ и колосьяхъ, — но не убили во мнѣ моего влеченія къ селу, жизнь въ которомъ составляла мечту всего моего отрочества, всей ранней юности моей, — мечту, осуществившуюся съ двадцати двухлѣтняго возраста, когда я женился; это произошло опять-таки на югѣ Россіи, нравственныя связи съ которымъ у меня установились уже съ дѣтства, начиная съ „Волчьяго“.

За что же полюбилось мнѣ настолько Волчье, гдѣ я впервые сознательно прислушивался къ малорусскому говору, не пониманіе котораго, но чувство къ которому устояло даже противъ цѣлаго дѣсятилѣтія петербургской беспочвенной и безличной жизни 1850-хъ годовъ? Да мудрено-ли ребенку полюбить село? А лѣсъ, а степь, а лугъ, а рѣка? Всего этого было въ волю въ Волчьемъ и всѣмъ этимъ не мѣшали намъ наслаждаться; несчастны тѣ люди, которымъ все это ничего не говоритъ, а дѣти такія, которыя не любятъ природы, на свѣтъ не рождаются;

такихъ уродовъ создаетъ только воспитаніе. Чего только намъ не доставляли наши руководители въ Волчьемъ: уженье рыбы, нами прозванную „охоту на ящерицъ“, купанье, верховую ѣзду, обработку собственныхъ грядокъ на огородѣ; а шутка-ли свои собственные ручные кролики, своя перепелка? Или забуду я, когда нибудь, какъ бывало вся семья, въ концѣ святой недѣли, выѣзжала въ имѣніе тетушки, Погромецъ, и какъ тамъ встрѣчалась нами Пасха, приносящая каждому изъ насъ не только по пятидесяти яицъ для катанья ихъ, но и безотчетно-сладостныя впечатлѣнія свѣтлой заутрени? А какое событіе въ деревнѣ весеннее разлитіе, которое въ городскомъ жителѣ часто не вызываетъ иныхъ чувствъ и соображеній, кромѣ того, нужны-ли ему теперь дождевой зонтикъ и галоши; сколько весеннихъ прогулокъ совершено нами въ Волчьемъ, подъ руководствомъ швейцарца-наставника, умѣвшаго быть ребенкомъ съ дѣтьми, строившаго съ нами мельницы на ручьяхъ и не упускавшаго случая, не надоѣдая, сообщать намъ полезныя знанія. Въ лѣтнюю пору, продолжающуюся на нашемъ югѣ мѣсяцевъ семь, мы сидѣли за книгою не болѣе четырехъ часовъ въ день, а все остальное время были заняты на дворѣ, въ саду, въ лѣсу, на лугу, въ полѣ; такая обстановка развивала духовно и физически; она же создавала и характеръ, развивала самодѣятельность и самостоятельность. Какъ бы въ подтвержденіе того, насколько свобода воспитываетъ ребенка, со мною случилась въ Погромцѣ бѣда, именно тогда, когда меня, семилѣтняго ребенка, отправили гулять съ нянькою; няню укусила собака, а въ селахъ обыкновенно всякую собаку, позволяющую себѣ броситься на человѣка, выдаютъ за бѣшенную. Вотъ и переполошился весь домъ: тетушка въ отчаяніи и посылаетъ за крестьяниномъ, который славится умѣньемъ своимъ „заговаривать“ отъ укушенія бѣшеною собакою; помню, что вводятъ старика въ комнату, въ которую чрезъ нѣсколько минутъ впускаютъ и меня; тамъ, по приглашенію знахаря, я кладу земные поклоны и изъ рукъ его пью какую-то мерзость бураго цвѣта..... Въ этомъ происшествіи удивляетъ меня не то, что и няня, и всѣ дѣти остались здоровыми, но то, что я не сталъ бояться собакъ; можетъ быть впрочемъ и то, что эта сцена чародѣйства въ едва, однимъ восковымъ огарочкомъ, освѣщенной комнатѣ, произвела на меня такое впечатлѣніе, что я лѣтъ до 12-ти боялся темной комнаты,

хотя и скрывалъ это, и засыпалъ не иначе, какъ предварительно оградивъ свою постель отъ діавольскихъ навожденій крестнымъ знаменіемъ въ четырехъ направленіяхъ.

Необычайно цѣпки, прочны впечатлѣнія дѣтства; гораздо упорнѣе, нежели объ этомъ обыкновенно думаютъ взрослые. Такъ, я припоминаю еще и другое происшествіе въ Погромцѣ, въ которомъ играетъ роль также крестьянинъ, но роль совершенно иного рода. На Пасху, неожиданно для меня, объявляютъ мнѣ, что пришелъ провѣдать меня изъ деревни покойной матушки, деревни Нескучной, которою владѣлъ отецъ, состоя на службѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ, „атаманъ“; такъ называютъ у насъ и по настоящее время полевыхъ прикащиковъ. Выхожу, предо мною стоитъ рыжеватый малороссъ казацкой наружности, по фамиліи „Морозъ“; мы здороваемся, онъ беретъ меня на руки, цѣлуетъ меня и даритъ мнѣ краснаго изюму, котораго принесъ мнѣ въ видѣ гостинца; пришелъ же онъ изъ Екатеринославской губерніи пѣшкомъ въ Воронежскую на свиданіе съ родными, такъ какъ всѣ крестьяне деревни Нескучной были выведены предками моими изъ Погромца. Это свиданіе тронуло меня до глубины души и произвело на меня глубокое впечатлѣніе; помню, что тогда же, семи лѣтъ отъ роду, подъ вліяніемъ примѣра отца, я сказалъ себѣ: „эхъ, вотъ, какъ вырасту я, тогда-то заживутъ крестьяне деревни Нескучной“. Я могъ бы, не довѣряя самому себѣ, не довѣрять и этимъ воспоминаніямъ, предполагая, что мечта о служеніи интересамъ массы появилась во мнѣ гораздо позже, подъ вліяніемъ разсудочныхъ процессовъ; но я вынужденъ признать, что примѣръ отца уже крайне рано пробудилъ во мнѣ это стремленіе въ видѣ смутно сознаваемого чувства, такъ какъ я беру фактъ о свиданіи моемъ съ Морозомъ изъ своей автобіографіи, написанной мною 26 лѣтъ тому назадъ, когда цѣлою четвертью вѣка я стоялъ ближе къ описываемому событію. Видно, и въ самомъ дѣлѣ искренно отнеслись мы, Морозъ и я, другъ къ другу, когда и двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, нескученцы всей „громадой“ (т. е. всѣмъ обществомъ) приносили мнѣ хлѣбъ, въ видѣ поздравленія, ежегодно, въ день именинъ моихъ, на Пасху и на Рождество.

Но если отношеніе покойнаго отца къ народу не переставало служить мнѣ назидательнымъ примѣромъ въ Волчьемъ и

Погромцѣ, то это несомнѣнно доказываетъ, что среда, въ которую я попалъ, не шла въ разрѣзъ съ воспринятыми мною зародышами общественныхъ стремленій. Въ общемъ такъ дѣло и было: я видѣлъ предъ собою помѣщиковъ, которые хорошо относились къ крестьянамъ, хотя и далеко не такъ, какъ отецъ; помню я, на примѣръ, какъ дѣвочку двѣнадцати лѣтъ посылали за 25 верстъ пѣшкомъ купить нитокъ на гривенникъ; помню я, какъ запьянствовавшаго крестьянина насильно поили водкой до рвоты; помню я, какъ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ обругалъ вновь прибывшаго діакона за его первое служеніе, за то, что онъ „тянетъ козломъ“ и отправилъ его въ другое имѣнье, въ которомъ былъ опытный діаконъ, на четыре мѣсяца, для того, что бы онъ научился „вытягивать по-діаконски“. Помнятся мнѣ и другія проявленія дикаго произвола; но, по счастью, Градовскіе и тетушка были настолько добрыми помѣщиками, что обращеніе ихъ съ крестьянами не нарушало моихъ семейныхъ традицій.

Въ томъ же направленіи долженъ былъ вліять на насъ, дѣтей, и швейцарецъ Бешра, фамилію котораго я запомнилъ потому, что онъ поразилъ меня, задавъ намъ шараду на свою фамилію, для чего онъ нарисовалъ лопату (*bêche*) и крысу (*rat*). Бешра мнѣ всегда казался очень способнымъ, а за эту находчивость я счелъ его гениальнымъ.

Хотя дѣти далеко не всегда справедливо оцѣниваютъ своихъ наставниковъ, но на этотъ разъ, мнѣ кажется, что оба класса семейной школы Градовскихъ, т. е. младшее отдѣленіе, состоявшее изъ двоюродной сестры моей и меня, имѣвшее дѣло и съ гувернанткою, и старшее отдѣленіе были правы, имѣя самое лестное мнѣніе о Бешра. Этотъ добрый, умный, живой, разносторонне свѣдущій швейцарецъ не только преподавалъ намъ свой родной французскій языкъ, но былъ воодушевленнымъ товарищемъ всѣхъ нашихъ игръ и надворныхъ занятій. Въ совершенно иныхъ отношеніяхъ состояли мы ко всѣмъ остальнымъ учителямъ: нѣмецъ Пфейферъ, сухопарый и сухой, преподавалъ намъ нѣмецкій языкъ и музыку и былъ, быть можетъ, весьма полезною для насъ машиною, но не болѣе; танцмейстера изъ поляковъ я ненавидѣлъ, какъ и всѣхъ преемниковъ его, въ какомъ бы заведеніи они меня ни обучали впослѣдствіи, такъ какъ всю жизнь свою терпѣть не могъ танцевъ. Очень добрымъ и симпатичнымъ малымъ считали

мы русскаго учителя своего, который преподавалъ и науки; но въ памяти осталось гораздо болѣе то, что этотъ отставной казакскій офицеръ былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ, нежели то, какъ и чему онъ меня обучалъ; не изгладилось изъ памяти и то, что Градовскому, который вѣроятно имѣлъ основанія дорожить этимъ учителемъ, приходилось ужасно возиться съ нимъ изъ-за того, что казакъ нашъ запивалъ отъ времени до времени и въ такихъ случаяхъ не имѣлъ возможности, вышедши изъ дома, находившагося у подошвы горы, взобраться на гору, на которой стоялъ новый домъ въ Волчьемъ, одноэтажный, очень удобный сельскій домъ. Не съ этой ли поры, когда я свыкъся съ удобствами отсутствія лѣстницъ въ домѣ, я сталъ питать и до сихъ поръ питаю состраданіе къ городскимъ жителямъ, которые вынуждены взбираться по лѣстницѣ, когда бы они ни вышли изъ дому?... Кормили насъ въ Волчьемъ, какъ въ „житницѣ Россіи“ и подобаетъ, на славу, и долго, долго воспоминалъ я на сѣверѣ кукурузу (пшеничку, подсолнечники, маисъ), тыквенную кашу, вареники, варенець, арбузы, да не безвкусные и безсочные, а такіе, которые, бывало, ѣдали не иначе, какъ ложками. По этимъ воспоминаніямъ, сливавшимся съ впечатлѣніями отъ роскошной благодати сельской природы, съ воспоминаніемъ о томъ, на примѣръ, что на югѣ случалось видѣть табуны въ 500 лошадей, весь Петербургъ, со всѣми дворцами его, казался мнѣ какимъ-то жалкимъ пигмеемъ по сравненію съ величавостію и ширью юга, куда меня тянуло всѣ десять лѣтъ, прожитыя мною въ Петербургѣ. Сознаюсь, кстати, что тосковалъ я заукраинскими степями не только въ Петербургѣ, отталкивающимъ и однообразіемъ природы, и климатомъ, и еще кое-чѣмъ, но и изъ Женевы, гдѣ, стоя на берегу живописнѣйшаго озера, не могъ я не признавать того, что куда же равняться съ такою красавицею моею унылой и часто неприглядной южно-русской степи, но родная мнѣ эта послѣдняя и не промѣняю ее ни на лазуревую воду Роны, ни на позолоченныя заходящимъ солнцемъ снѣжныя вершины. Основы для этого чувства, опредѣлившаго всю мою жизнь, были несомнѣнно заложены въ Волчьемъ, а такъ какъ дѣти стремятся все, по возможности, олицетворить, и выносятъ самыя сильныя впечатлѣнія отъ людей, то изъ того теплаго чувства, которое сохранилось у меня къ Погромцу, съ мѣловыми горами и вода-

ною крупчаткою, и къ Волчьему съ его садомъ, лугомъ и лѣсомъ, прямо слѣдуетъ, что не ошибся отецъ, ввѣряя меня попеченію тетки, которая была мнѣ особенно дорога, какъ сестра моей матери, извѣстной мнѣ только по рассказамъ другихъ и нѣкоторымъ образомъ воплощавшаяся для меня въ образѣ тетушки.

Весною 1842 года гуляли мы, ребяташки, по обыкновенію, какъ неожиданно подкатилъ къ крыльцу тарантасъ, изъ котораго выглянулъ мужчина высокаго роста; я узналъ въ немъ батюшку и, опрометью бросившись къ нему, зарыдалъ у него на шеѣ, крѣпко обвивъ ее своими рученками; я въ первый разъ въ жизни плакалъ отъ радости. Черезъ нѣсколько дней утромъ тотъ-же тарантасъ подвезли къ крыльцу, но на дворѣ собиралась прислуга, изъ которой многіе суетились около экипажа: кто тащилъ корзину съ дорожною провизіею, а кто чемоданы, въ которые были уложены и мои вещи. Помню, положительно помню, что пріостановился во дворѣ и водовозъ, на волахъ ежедневно таскавшій бочку, протяжно напѣвая свое: „цобъ, цобе“. Не скоро послѣ этой минуты пришлось мнѣ увидѣть работу на волахъ и хохла, ими управляющаго, и какъ забилося мое сердце, когда я вновь встрѣтился съ этой картиной въ Харьковѣ, тринадцать лѣтъ послѣ выѣзда отъ тетушки и Градовскихъ. Но вотъ всѣ дѣти, всѣ наши патріархи и наставники собрались въ гостинную, сѣли, и послѣ нѣсколькихъ минутъ благоговѣйнаго молчанія, стали осыпать меня поцѣлуями; даже добрый Бешра прослезился. Тяжело было мнѣ покидать друзей, тетку, Градовскихъ; жаль было мнѣ и кроликовъ моихъ, а въ особенности гнѣдаго, неотвязчиво слѣдовавшаго за мною, и перепелку; но я ѣхалъ съ отцомъ и къ отцу, а потому недолго плакалъ, отъѣхавъ отъ крыльца.

Куда же бросала меня судьба теперь? Мы съ отцомъ ѣхали въ Новгородъ, гдѣ, какъ я уже говорилъ, отецъ былъ управляющимъ палаты государственныхъ имуществъ. Къ тому, что уже извѣстно читателю о моей жизни въ Новгородѣ, продолжавшейся всего годъ, я могу добавить теперь лишь немного. Пріѣхавъ въ Новгородъ, я былъ потрясенъ и пораженъ тѣмъ, что не засталъ своей няни, Е. И. Альберти, которая приняла меня отъ матери груднымъ младенцемъ, выхолила меня до шестилѣтняго возраста и благословила въ путь, на югъ Россіи, сознавая, что мнѣ жить дома не приходится. Какъ я ни былъ малъ, а

помню это добрейшее созданіе, эту теплую христіанку, которая отчасти обратилась въ идолопоклонство, избравъ своимъ идоломъ меня; помню я однако такъ мало объ этой уроженкѣ города Риги, которая съ воодушевленіемъ обучала меня русскимъ пѣснямъ и нѣмецкому языку, что будь я постарше на рукахъ этого друга, то долженъ былъ бы признать за собою самую черную неблагодарность. Радуюсь тому, что хоть то осталось въ памяти, что Елена Ивановна первая пробудила во мнѣ религіозное чувство не затверживаніемъ непонятнаго ребенку текста молитвъ, но примѣромъ истинно христіанской жизни и прочувствованнымъ и сознательнымъ отношеніемъ своимъ ко Христу, о которомъ у насъ, съ Еленой Ивановной, бывали бесѣды.

Но не странно-ли? Описывая возвращеніе подъ отчій кровъ, въ Новгородъ, я упоминаю о той, которой не засталъ, и не говорю о людяхъ, которые меня встрѣтили?... Сестеръ своихъ единокровныхъ, дочерей отца отъ втораго брака, я почти не зналъ, а затѣмъ, кромѣ отца, для моего сердца не существовало болѣе человѣка въ семьѣ. Впрочемъ вскорѣ появилось въ семьѣ лицо, къ которому я привязался, хотя оно, на сколько я могу судить объ этомъ теперь, не стоило моего чувства: я разумѣю нѣмецкаго гувернера, съ которымъ меня поселили во флигелѣ, стоявшемъ во дворѣ главнаго дома, гдѣ мы проводили рекреационные часы. Гувернеръ мой частенько надувалъ отца, такъ какъ вмѣсто того, чтобы обучать меня, тайкомъ отъ отца водилъ меня къ булочнику, съ которымъ свелъ дружбу. Впрочемъ, онъ принесъ мнѣ ту пользу, что я, научившись говорить по-нѣмецки уже отъ няни, теперь настолько уже окрѣпъ въ нѣмецкомъ языкѣ, что не только свободно болталъ, но и прочелъ съ упоеніемъ, девяти лѣтъ отъ роду, въ Новѣгородѣ, Робинзона Крузоэ, на нѣмецкомъ языкѣ, а знаніе этого языка, какъ увидятъ читатели, мнѣ очень скоро пригодилось. Жаль мнѣ себя, какъ вспомню я о томъ, сколько я видѣлъ лицемѣрія въ Новгородскихъ женскихъ и мужскихъ монастыряхъ, представителей которыхъ я часто видѣлъ въ домѣ отца и у нихъ дома, когда они не считали нужнымъ стѣсняться присутствіемъ ребенка; но спасибо гувернеру за то, что, идя къ булочнику и возвращаясь отъ него, онъ останавливалъ мое вниманіе на древностяхъ новгородскихъ и заинтересовалъ меня Новгородомъ гораздо больше, чѣмъ послѣдующіе курсы исторіи, представлявшіе его какою-то

пестрою овцою въ стадѣ, за то и подлежавшею истребленію, что она была своеобразною и потому будто бы нарушала единство Россіи, вылившееся, какъ извѣстно, изъ Москвы. Едва ли не жизни въ Новѣгородѣ я обязанъ тѣмъ, что немедленно послѣ выпуска изъ лица, о чемъ я уже упоминалъ, мнѣ захотѣлось поклониться древностямъ новгородскимъ. Не долго пришлось мнѣ прожить въ Новѣгородѣ: отецъ вѣроятно рѣшилъ, что нѣтъ возможности мнѣ оставаться дома и меня повезли въ городъ Верро, въ Лифляндію, въ очень извѣстное въ то время учебное заведеніе Крюммера; вотъ тутъ-то и пригодился мнѣ нѣмецкій языкъ, такъ какъ здѣсь всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ.

III.

Въ пансіонѣ Крюммера, въ которомъ, помнится, было въ мое время болѣе ста воспитанниковъ, начиная съ отдѣленія для малютокъ, въ которое меня помѣстили, и до старшаго класса, „студентовъ“, какъ мы ихъ называли, которые отъ Крюммера переходили непосредственно въ Дерптскій университетъ, провелъ я 1844-ый годъ и часть 1845-го года, прибывъ къ Крюммеру на десятомъ году жизни. Не могу умолчать объ этомъ времени, стараясь выслѣдить въ своемъ прошломъ воспитавшія меня силы, такъ какъ здѣсь вѣроятно повліяли на меня какъ обученіе, такъ и вся обстановка. Самъ Крюммеръ, старикъ самой привлекательной, по добродушію, наружности, представляется мнѣ теперь, на разстояніи тридцати семи лѣтъ, едва ли не лучшимъ педагогомъ изъ всѣхъ, съ которыми судьба сводила меня въ дѣтствѣ: и вообразить себѣ трудно, какъ удержать семейное начало въ учебномъ заведеніи, настолько многочисленномъ! Но это фактъ: я чувствовалъ себя въ семьѣ. Не мудрено, что я сознавалъ себя въ семьѣ внѣ учебныхъ часовъ, такъ какъ я, въ числѣ немногихъ, не спалъ, по малолѣтству, въ общихъ дортуарахъ заведенія, помѣщавшагося въ огромномъ домѣ, напоминавшемъ своими башнями, обширнымъ манежемъ и вѣковыми деревьями, съ одной стороны его окаймлявшими, средневѣковой замокъ, но жилъ во флигелѣ, ввѣренный женскому попеченію, но я чувствовалъ себя дома, подъ вліяніемъ близкихъ мнѣ людей, и въ классной ком-

натѣ главнаго корпуса, и въ обширнѣйшей залѣ его за обѣдомъ, и тамъ-же во время воскресной молитвы, совершавшейся самимъ директоромъ, при полномъ сборѣ воспитанниковъ, подѣ звуки органа; мѣхи послѣдняго я нерѣдко приводилъ въ движеніе, такъ какъ силъ моихъ какъ-разъ доставало на то, чтобы вскарабкаться на рычаги мѣховъ и тяжестью своего тѣла довести ихъ до полу.

Какой-то теплый, семейный характеръ имѣли и акты въ той же залѣ, на которыхъ мнѣ пришлось играть роль, такъ какъ меня назначили декламировать публично стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ; взбираясь на кафедру я упалъ и разревѣлся; но подошелъ ко мнѣ Крюммеръ, вытеръ мнѣ глаза своимъ платкомъ, поцѣловалъ меня и я опять почувствовалъ себя дома и даже стяжалъ аплодисменты отъ товарищей, наполнявшихъ залу. Въ этомъ учебномъ заведеніи былъ прекрасный подборъ преподавателей, а „профессорами“ нашихъ „студентовъ“ старшаго класса, изъ которыхъ каждый студентъ пользовался отдѣльною комнатою, мы гордились, какъ учеными; такими же глазами смотрѣли мы на директора и инспектора. Преподаватели младшихъ классовъ относились къ намъ, какъ къ дѣтямъ, не опасаясь оскорбить насъ словомъ „ты“ и не прибѣгая къ побоямъ, употребительнымъ въ нѣмецкихъ школахъ; какимъ гомерическимъ хохотомъ разразились бы мы, если бы учитель кого-нибудь изъ насъ, малюковъ, назвалъ „господинъ такой-то“; это показалось бы намъ настолько же забавнымъ, какъ если бы старшій братъ назвалъ младшаго „господиномъ“.

Въ заведеніи Крюммера были заложены первыя основы моего политическаго или гражданскаго развитія, если можно такъ выразиться: я жилъ въ семьѣ, но въ то же время знакомился съ тѣмъ, что существуетъ общество, существуютъ права и обязанности, что существуютъ всѣми уважаемые обычаи, что общество въ правѣ относиться къ отдѣльному лицу съ извѣстными требованіями, но и наоборотъ. Все это я познавалъ въ микроскопическомъ мірѣ товарищей, который имѣлъ однако свою организацію, сходную съ буршеншафтами германскихъ университетовъ. Не только фискальство, но и неуваженіе къ женщинѣ, угнетеніе слабого, обманъ, измѣна данному слову беспощадно карались судомъ товарищей, который вполне признавался и начальствомъ. Директоръ и инспекторъ, равно какъ и всѣ учителя, воспитывали въ насъ чувство ответственности довѣріемъ къ намъ и предо-

ставленіемъ намъ возможно полной свободы, а не попеченіями съискной полиціи. Какое наслажденіе, бывало, отправиться зимою, на конькахъ, съ разноцвѣтными фонарями въ рукахъ, на ту сторону, примыкавшаго къ нашему саду, озера, — пестрою толпою болѣе ста воспитанниковъ, при участіи всѣхъ учителей и дирекціи, летѣли мы на конькахъ въ ближайшую корчму, на противоположномъ берегу озера; жену и дочерей директора усаждать на кресла съ полозьями, бывало, лучшіе изъ нашихъ конькобѣжцевъ, но присутствія ихъ въ корчмѣ достаточно для того, чтобъ никто и изъ „студентовъ“ нашихъ не подкутилъ, а если бы это и случилось нечаянно, то самъ же Крюммеръ и спрячетъ согрѣшившаго поскорѣе отъ срама.

А вотъ затѣвается въ лѣтнюю пору гимнастическій праздникъ въ огромномъ манежѣ нашего учебнаго заведенія; „наши дамы“ опять здѣсь, всякаго изъ насъ знаютъ по имени, всякій изъ насъ старается чѣмъ-нибудь имъ услужить. Начинается точно турниръ: часть воспитанниковъ располагается играть въ кегли, соперничая другъ съ другомъ въ искусствѣ; другая отличается на гигантскихъ шагахъ, а тамъ всѣ орудія гимнастики заняты лучшими гимнастами и только весьма немногіе изъ воспитанниковъ и учителей образуютъ публику. Всѣ эти упражненія и игры происходятъ при самомъ строгомъ соблюденіи правилъ, опять-таки подъ угрозой суда товарищей, могущаго подвергнуть виновнаго даже остракизму, признаваемому и начальствомъ. Смѣемся мы, бывало, идя веселою, но вполне приличною, гурьбою по улицѣ, при встрѣчѣ съ женскимъ пансіономъ города Верро, который ведутъ мимо насъ по-парно и который мы за это прозывали не иначе, какъ „die Gänse“ (гуси); прозваніе это, знаменуя нашу вражду ко всякой формалистикѣ, настолько установилось, что долгое время я думалъ, что „Gänse“ фамилія содержательницы пансіона. Въ нѣмецкомъ языкѣ я здѣсь настолько окрѣпъ, что онъ сталъ какъ-бы вторымъ роднымъ языкомъ моимъ; я говорю вторымъ, такъ какъ не успѣлъ въ Верро разучиться русскому языку.

IV.

То, что при переѣздѣ отъ Крюммера въ Петербургъ я не затруднялся въ русскомъ языкѣ, объясняется, полагаю, не тѣмъ, что и въ Верро я пользовался уроками русскаго языка, но преимущественно тѣмъ, что оставался здѣсь не болѣе полутора лѣтъ, такъ какъ вся обстановка здѣсь была какъ нельзя болѣе неблагоприятна для русскаго начала. Насъ было у Крюммера не болѣе десяти православныхъ воспитанниковъ на сто и болѣе учащихся и мы не только съ товарищами и учителями, но и между собою всегда говорили по-нѣмецки, такъ какъ не слышали вокругъ себя другого языка; ничего похожего на гнетъ или насмѣшки мы не испытывали; не только начальство, но и товарищи, совершенно разумно и съ уваженіемъ относились къ тому что, по распоряженію директора, мы на одну недѣлю въ году выдѣлялись изъ состава заведенія для того, чтобы говѣть и пріобщиться въ убогой православной церкви, дьячекъ которой врѣзался мнѣ въ память тѣмъ, что во время служенія ѣлъ на клиросѣ печеный картофель и дѣлился имъ съ нами, и священникъ, который изъ памяти исчезъ совершенно безслѣдно, несомнѣнно потому, что не производилъ на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, не смотря на то, что самою внѣшностію своею рѣзко выдѣлялся изъ окружающей среды, ничѣмъ не напоминавшей мнѣ ни Москвы, ни Воронежской губерніи, ни Новгорода, не исключая и архитектуры домовъ и городскаго благоустройства Верро, стоявшаго гораздо ближе къ германскому, чѣмъ къ русскому. До такой степени новы были для меня и люди, и мѣстность, и нравы, что, подавляемый массою разнороднѣйшихъ впечатлѣній и вѣроятно всасывая въ себя, незамѣтнымъ для себя самого образомъ, нѣмецкій элементъ, я здѣсь не тосковалъ за любимымъ югомъ Россіи. Положительно помню, что меня не тянуло даже въ деревню Волчье и могу объяснить себѣ это преимущественно тѣмъ, что этотъ счастливый уголокъ, по сравненію съ Москвою и Новгородомъ, былъ мнѣ дорогъ, какъ мѣсто, гдѣ мнѣ жилось привольно и свободно; такимъ же просторомъ и такою же свободою, если не бдльшею, пользовался я и въ ничтожномъ городкѣ Верро, гдѣ матеріальныя условія чрезвычайно близко подходили къ селу и только закрѣпляли во

мнѣ симпатіи мои къ сельской жизни, а нравственныя, благодаря Крюммеру, были никакъ не менѣе благопріятны, въ смыслѣ отсутствія гнета и излишнихъ стѣсненій, чѣмъ въ сельской школѣ Градовскихъ и въ домѣ тетушки Татьяны Тимоѣевны Корфъ, представляя столь же отрадный для меня контрастъ по сравненію съ Москвою и Новгородомъ. Но при всемъ томъ, если бы пребываніе мое въ Верро продолжилось дольше, то я, по всей вѣроятности, вполне бы онѣмечился, такъ какъ въ дѣтствѣ человѣкъ крайне скоро подчиняется окружающей обстановкѣ. По счастью меня перевели (не знаю по чьей инициативѣ, такъ какъ отецъ въ это время былъ уже тяжело боленъ) въ Петербургъ, гдѣ я попалъ въ руки русскаго человѣка, усвоившаго себѣ однако все достойное уваженія изъ нѣмецкаго характера.

Таковъ былъ Александръ Яковлевичъ Филипповъ, пансіонъ котораго, существующій, послѣ тридцати семи лѣтъ, по настоящее время подъ управленіемъ людей изъ той-же семьи, въ мое время пользовался вполне заслуженною славою, хотя и крайне своеобразною. Между тѣмъ какъ пансіонъ Ф. В. Гроздова, того самаго, который позже убѣждалъ петербургскую городскую думу отнюдь не измѣнять нищенскаго содержанія народныхъ учителей, бралъ по триста и болѣе рублей въ мѣсяць за ручательство предъ родителями въ томъ, что юноша непременно будетъ „приготовленъ“ къ извѣстному сроку въ извѣстное учебное заведеніе; между тѣмъ какъ, кромѣ пансіона Гроздова, огромное большинство частныхъ учебныхъ заведеній того времени существовали только съ цѣлю наживы для дрессировки дѣтей, которыхъ они и „приготавливали“ по какой угодно программѣ, Александръ Яковлевичъ Филипповъ и наиболѣе высокопоставленнымъ особамъ, къ нему обращавшимся, отвѣчалъ, бывало, что „приготавливаютъ только котлеты, а людей воспитываютъ и обучаютъ“, и никогда не бралъ на себя ручательства за то, что его воспитанникъ поступитъ въ заведеніе, ему указываемое; поступали же наши молодцы ежегодно изъ лучшихъ повсюду. Никогда и ни съ кого не бралъ почтенный директоръ нашъ за весь годъ болѣе того, что другіе иногда получали за одинъ мѣсяць, т. е. болѣе трехъ сотъ рублей; ничѣмъ не могли убѣдить его въ томъ, чтобы увеличить комплектъ воспитанниковъ, которыхъ онъ допускалъ не болѣе тридцати, утверждая, что съ бдльшимъ числомъ онъ не въ силахъ спра-

виться добросовѣстно. Буквально день и ночь проводилъ Филипповъ съ нами, доставляя себѣ отдыхъ для прогулки безъ насъ только часа на два по вечерамъ, которыми онъ пользовался для совѣщанія съ родителями. Кто изъ насъ лучше всѣхъ игралъ въ мячъ? Александръ Яковлевичъ. Кто лучше всѣхъ насъ игралъ въ „барры“ и „пятнашку“ (въ той и другой игрѣ дѣти бѣгаютъ)? Онъ-же. Кто лучше всѣхъ читалъ вслухъ? Опять онъ-же,—и облѣпимъ мы, его бывало; сядемъ ему чуть не на плечи и слушаемъ его чтеніе съ замираньемъ сердца, заканчивая этимъ день. А начинался нашъ день опять со чтенія Александра Яковлевича, который ежедневно прочитывалъ намъ, предъ началомъ учебныхъ занятій, отрывки изъ евангелія; съ этихъ поръ и навсегда евангеліе стало для меня великою книгою, доставившею мнѣ слишкомъ много сладкихъ минутъ, при посредствѣ Филиппова, для того, чтобы мертвый догматизмъ и бездушный формализмъ всего послѣдующаго обученія Закону Божию могъ заглушить во мнѣ сердечное отношеніе къ ученію Іисуса. Но когда нашего директора, его жены, тетки, дочери и сыновей не было съ нами?... Даже въ день именинъ Александра Яковлевича его гости, не только семья, обѣдали съ нами, такъ какъ директоръ не подаетъ, бывало, своимъ гостямъ того, чего бюджетъ не дозволяетъ предложить всему пансіону. Еще въ одной мелочи, кромѣ неспособности „приготовлять“ дѣтей, расходился Филипповъ съ большинствомъ родителей: онъ былъ приверженцемъ гимнастики, которую контролировалъ въ его заведеніи очень извѣстный въ свое время шведъ Дюронъ, къ числу учениковъ котораго принадлежитъ и Г. И. Паульсонъ, но онъ ненавидѣлъ танцы и ничьи убѣжденія не могли склонить его допустить обученіе танцамъ въ своемъ учебномъ заведеніи; какъ припомнятъ, быть можетъ, читатели, это было мнѣ какъ нельзя болѣе на руку. Но у меня нерасположеніе къ танцамъ объяснялось вѣроятно моею собственною неуклюжестію, такъ какъ дѣтямъ обыкновенно нравятся только тѣ изъ упражненій, въ которыхъ они хорошо успѣваютъ; но у Александра Яковлевича недопущеніе танцевъ было дѣломъ принципа и совпадало съ его приверженностію къ ученію моравскихъ братій, или гернгутеровъ, въ молитвенной залѣ которыхъ онъ, оставаясь православнымъ, всякое воскресенье слушалъ проповѣдь очень извѣстнаго въ то время оратора, протестантскаго пастора

Нильсена; нѣмецкимъ языкомъ Филипповъ владѣлъ какъ русскимъ, былъ женатъ на нѣмкѣ, которую мы всѣ считали святою, и въ семьѣ своей говорилъ не иначе, какъ по-нѣмецки, заставляя себя говорить съ нами день по-нѣмецки, день по-французски и день по-русски. Я увѣренъ въ томъ, что родственники покойнаго Александра Яковлевича, еще въ мое время сошедшаго въ могилу, простятъ мнѣ то, что я позволяю себѣ, по прошествіи тридцати четырехъ лѣтъ, раскрыть тайну души этого истиннаго педагога, указывая на то, что по убѣжденію онъ былъ гернгутеромъ, т. е. принадлежалъ къ высшей степени нравственной общинѣ, стремящейся осуществить культъ и образъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ; я позволяю себѣ поднять завѣсу надъ этой тайной для того, чтобы показать, что уже сорокъ лѣтъ тому назадъ существовало у насъ рационалистическое религіозное движеніе въ такой сферѣ, въ которой его вѣроятно никто не предполагалъ и потому, что религіозныя убѣжденія истинно благочестиваго директора нашего не могли не отражаться на нашемъ воспитаніи. Извѣстно, что гернгутеры стремятся къ возможно большому осуществленію равенства на землѣ, но не разрушеніемъ и цѣною крови, но проповѣдью любви; легко представить себѣ послѣ этого, какъ училъ насъ Александръ Яковлевичъ относиться къ прислугѣ, считавшейся у него членомъ его семьи, и къ меньшей братіи вообще. По счастью, эти благородныя стремленія директора, въ разрѣзъ съ направленіемъ большинства родителей того времени, заронить въ насъ потребность служить массѣ, встрѣтили во мнѣ, въ десятилѣтнемъ возрастѣ моемъ, почву, подготовленную, какъ припомнятъ читатели, еще покойнымъ отцемъ и съ тѣхъ поръ еще не засоренную пребываніемъ въ Волчьемъ и въ Верро, гдѣ остзейское баронство мнѣ осталось неизвѣстнымъ и гдѣ я почерпнулъ лишь духъ германскаго студенчества, какъ извѣстно, демократическій по преимуществу. Рѣшившись затронуть религіозныя убѣжденія своего воспитателя, я спѣшу добавить, что независимо отъ его евангельскихъ чтеній, мы пользовались у него уроками законоучителя, хорошаго, если не въ томъ отношеніи, чтобы онъ умѣлъ поселать въ насъ любовь къ ученію Христа, то въ томъ, что относился къ намъ съ любовью, не требовалъ долбни и увлекалъ своимъ рассказомъ, въ которомъ избѣгалъ того, что превосходитъ дѣтскія силы. Отношенія наши

къ директору пансіона были настолько идеальными, что и рассказъ о нихъ иному покажется сентиментальностію, но не тѣмъ, я надѣюсь, которые понимаютъ насколько важенъ нравственный авторитетъ наставниковъ: всякій вечеръ, отходя ко сну, каждый изъ тридцати воспитанниковъ подходилъ къ Александру Яковлевичу, становившемуся для этого, послѣ молитвы, посреди залы, для того, чтобы пожать ему руку; тяжелымъ наказаніемъ считалось, при этомъ, то, если Александръ Яковлевичъ кому нибудь изъ воспитанниковъ молча кланялся, не подавая ему руки.

Полагаю, что и сказаннаго уже достаточно для того, чтобы читатель согласился со мною въ томъ, что въ лицѣ А. Я. Филиппова я имѣлъ предъ собою педагога, любителя и артиста своего дѣла, неусыпно работавшаго по призванію. Всякому станетъ понятнымъ послѣ этого, если только предположить удачный подборъ учителей, что воспитанники Филиппова отлично успѣвали; научившись работать уже у Крюммера, я сталъ отлично учиться у Филиппова и поступилъ изъ лучшихъ, при очень сильной конкуренціи, въ 1848 году, изъ пансіона Филиппова въ лицей, не смотря на то, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до экзамена почтенный Александръ Яковлевичъ заявлялъ высоко-іерархически поставленному уже въ то время дядѣ моему, барону, впоследствии графу, Модесту Андреевичу Корфу, что онъ, „не ручается за то, что приготовитъ“ меня. Но, стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какое воспитательное вліяніе имѣлъ на меня Филипповъ, я долженъ остановить вниманіе читателя на обстоятельствѣ, менѣе обыкновенномъ, чѣмъ хорошіе успѣхи, какъ результатъ дѣятельности хорошаго педагога: я долженъ указать на то, что въ пансіонѣ Филиппова, подъ вліяніемъ уваженія и привязанности къ директору, и того увлеченія и умѣнья, съ которыми онъ преподавалъ и воспитывалъ, я впервые полюбилъ школьное и учительское дѣло и сталъ считать педагогическую профессію самою благородною и важною изъ всѣхъ существующихъ. Еще въ бытность въ этомъ пансіонѣ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ отъ роду, я искалъ случая удовлетворить зародившемуся во мнѣ, благодаря таланту и увлеченію Филиппова, вкусу къ преподаванію; бывало и хлѣбомъ меня не корми, а дозвожь только товарищъ объяснить ему что нибудь изъ преподаннаго за урокомъ; тутъ сейчасъ разыграется, бывало, самодѣтельность и станешь своими

способами выяснять товарищу то, что толковалъ учитель, а затѣмъ, предлагаешь ему вопросы о пройденномъ и мечтаешь: „эхъ, вотъ, когда бы мнѣ цѣлый классъ достался, такъ такъ бы!“ Мои первые опыты преподаванія, вѣроятно, удались, такъ какъ вскорѣ стала собираться вокругъ меня цѣлая кучка учениковъ для того, чтобы подъ моимъ руководствомъ, доставлявшимъ мнѣ же огромное наслажденіе, готовить уроки; дожилъ я даже до такого блаженства, что директоръ, который и самъ, быть можетъ, не подозревалъ того, кто заронилъ въ меня своею талантливою и самоотверженною дѣятельностію первую педагогическую искру, съ этихъ поръ уже никогда не угасавшую и разгорѣвшуюся въ пламя при первой благопріятной къ тому обстановкѣ,—самъ поручалъ мнѣ слабѣйшихъ. При этомъ, къ чести этого пансіона, я долженъ отнести то, что насъ такъ воспитывали, что я, находя наслажденіе въ самомъ процессѣ преподаванія, не только не чванился предъ слабѣйшими, но былъ любимъ ими, и сознаніе того, что я помогаю имъ, радовало меня; такъ и должно было быть въ пансіонѣ, въ которомъ господствовали заповѣди Христа не на словахъ, а на дѣлѣ.

Но указаннымъ еще не исчерпываются всѣ тѣ черты характера Филиппова, которыя могли имѣть вліяніе на меня и, если не ошибаюсь, дѣйствительно произвели на меня сильное впечатлѣніе: независимо отъ увлеченія своимъ дѣломъ, необычайной взыскательности къ себѣ самому, стойкости предъ сильными міра сего за свое убѣжденіе и добросовѣстности, Александръ Яковлевичъ отличался фанатическимъ подчиненіемъ чувству долга. Ни разу за всѣ три года моего пребыванія въ его пансіонѣ онъ никуда не опоздалъ, никогда не пренебрегъ никакимъ, даже самымъ мелочнымъ, дѣломъ по школѣ, изъ падавшихъ на него, ни разу не предпочелъ развлеченіе какой нибудь, хотя бы самой однообразной и непривлекательной работѣ, всегда вставая раньше и ложась позже всѣхъ; такая желѣзная сила воли и такая настойчивость, такая стоическая вѣрность долгу заставляли меня преклоняться передъ нимъ, хотя холодность и сосредоточенность его характера и мѣшали привязаться къ нему моею натурѣ, всегда ощущавшей потребность въ ласкѣ, привязаться настолько, какъ онъ того стоилъ. Но смерть этого человѣка была настолько трагическою, что поразила меня, какъ громомъ: въ началѣ лѣта

1848 года въ Петербургѣ такъ свирѣпствовала холера, что однажды, пошедши съ Филипповымъ гулять, мы остановились минутъ на пять на углу Обуховскаго проспекта и одной изъ ротъ Измайловскаго полка, въ которой нашъ пансіонъ занималъ чрезвычайно удобное помѣщеніе, и за пять минутъ насчитали 28 труповъ, или почернѣвшихъ больныхъ, провезенныхъ мимо насъ на извозчикахъ; Александръ Яковлевичъ, глядя вмѣстѣ съ нами въ глаза смерти, сказалъ намъ, при этомъ, много наставительнаго, стараясь успокоить насъ; но въ ту же ночь его самого не стало отъ холеры, послѣ нѣсколькихъ часовъ страданій; мнѣ пришлось поступать въ Лицей въ концѣ того-же года уже отъ брата покойнаго, принявшаго пансіонъ немедленно послѣ похоронъ.

Разставаясь мысленно съ пансіономъ Филиппова, не могу не помянуть его добромъ еще за то, что мною самимъ испытанное въ этомъ учебномъ заведеніи, лучше всякихъ позднѣйшихъ совѣтовъ и соображеній, убѣдило меня въ томъ, какъ важна основательность обученія и насколько знаніе въ самомъ себѣ носить награду за трудъ, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ за него отличій; это отношеніе къ знанію старался поселить въ насъ Филипповъ, который въ то-же время такъ безпощадно, настойчиво заставлялъ насъ непрерывно повторять пройденное, что сообщаемыя намъ свѣдѣнія переходили въ кровь и плоть нашу, чему мы давали надлежащую цѣну даже въ дѣтствѣ. Для поступленія въ Лицей предстояло сдать очень серіозный экзаменъ по программѣ, приблизительно соответствующей познаніямъ, требуемымъ при переходѣ въ пятый классъ гимназіи съ добавленіемъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ и я не только не тревожился перспективою наступленія экзамена, но въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ему предшествовавшихъ, и книги не раскрывалъ: настолько Филипповъ убѣдилъ меня въ томъ, что обучалъ онъ меня не для экзамена, а на всю жизнь и настолько мой опытъ успѣлъ уже къ тому времени провѣрить мнѣніе директора о прочности сообщенныхъ мнѣ знаній.

Въ тѣ единственные свободные вечерніе часы, когда покойный Александръ Яковлевичъ позволялъ себѣ подышать свѣжимъ воздухомъ и отдохнуть отъ насъ, онъ посѣщалъ, какъ я уже говорилъ, родителей своихъ питомцевъ; въ эти часы бывалъ онъ нерѣдко и у единокровной сестры отца моего, моей тетки Е. О.

Кёлеръ, которая, принявъ меня по прїѣздѣ моемъ изъ Верро, служила мнѣ матерью въ лучшемъ смыслѣ этого слова въ теченіи одиннадцати лѣтъ, до самой женитьбы моей, насъ разлучившей. Не мало слезъ пролито этою примѣрною христіанкою въ бесѣдахъ съ Филипповымъ, взыскательность къ себѣ самому переносившимъ и на другихъ и въ мрачныхъ краскахъ описывавшимъ тѣтушкѣ мои недостатки. Уваженіе мое къ читающей публикѣ мѣшаетъ мнѣ занимать ее подробностями вполне личнаго характера, хотя такого рода біографическія данныя и представляютъ нерѣдко значительный психологическій интересъ. Могу остановиться лишь на томъ, что всѣ упреки, вовсе не касаясь моихъ учебныхъ занятій, сводились преимущественно къ тому, что я никогда не умѣлъ смолчать начальству, высказывалъ старшимъ въ глаза то, что я о нихъ думалъ, а разсужденія мои бывали не всегда для нихъ лестны; я помню себя положительно кроткимъ ребенкомъ, а меня вѣчно упрекали въ „дерзости“ за прямоту. Но здѣсь не мѣсто входить въ анализъ этого недоразумѣнія, а возможно лишь припомнить то, какою свободою я пользовался у Крюммера и съ нею сопоставить ежовыя рукавицы почтеннаго Филиппова для того, чтобы объяснить себѣ, что ребенокъ не сразу могъ перейти отъ духа германской буршеншафтъ, всячески развивавшей мое личное достоинство, къ положенію сына, исполняющаго волю отца „безъ разсужденій“, въ которое ставилъ Филипповъ своихъ питомцевъ. Переходъ же этотъ былъ необходимъ, такъ какъ мнѣ предстояло учиться въ лицей во времена Николая Павловича, когда вѣровали не только въ возможность задержать работу мысли и безповоротно направить ее, отечески-драконовскою властію, но и въ барабанный бой и шагистуку, которые и были введены въ лицей, вскорѣ послѣ моего поступленія. Никогда не забуду того, какъ Ѳотій Петровичъ Калининъ, еще Пушкина, бывшаго воспитанникомъ перваго курса того-же лицея, обучавшій чистописанію, разрыдался при первомъ звукѣ барабана, замѣнившаго у насъ колокольчикъ, будившій насъ и призывавшій къ обѣду; сознаюсь впрочемъ, при этомъ, что хотя мнѣ въ это время и было уже пятнадцать лѣтъ, но я плохо понималъ слезы Калининъ, бывшаго „воспитателемъ“ нашего двадцатаго курса, но просто находилъ звуки барабана въ комнатѣ отвратительными. По мѣрѣ того, какъ я подрасталъ подѣ

звуки этого барабана, я относился къ этимъ звукамъ все болѣе и болѣе враждебно, какъ къ проявленію солдатчины, столь же мало дисциплинировавшей умъ нашъ въ извѣстномъ направленіи, какъ и каррикатурнѣйшая маршировка, въ которой мы упражнялись полъ-часа ежедневно подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и наблюденіемъ нашего инспектора, въ то время полковника, Н. И. Миллера (онъ впоследствии былъ долгое время директоромъ лица), который, по образу мыслей и научной подготовкѣ, настолько было „статскимъ“ для того времени, что могъ безцѣльно коверкать намъ ноги несомнѣнно только съ отвращеніемъ.

Объ этомъ человѣкѣ сохранились у меня самыя лучшія воспоминанія и уважали мы его гораздо болѣе директора М. Б. Браневскаго, котораго мы считали добрымъ и честнымъ „малымъ“, хотя онъ и былъ уже старикъ, но который славился въ нашей средѣ, не знаю, правильно или нѣтъ, своимъ полнѣйшимъ невѣжествомъ по всѣмъ отраслямъ, за исключеніемъ математики, которою занимались у насъ охотно лишь весьма немногіе.

V.

Объ Императорскомъ Александровскомъ лицѣ, переведенномъ на Петербургскую сторону, гдѣ онъ находится и понынѣ, изъ Царскаго Села за нѣсколько лѣтъ до моего поступленія, уже столько появилось извѣстій и отзывовъ въ печати, какъ о „заведеніи государственныхъ младенцевъ“; столько разъ уже питомцы этого заведенія относились съ высоты своего величія къ „пустотѣ“ его, что мой, чуть не единичный голосъ, едва ли измѣнить что нибудь въ его репутаціи въ извѣстныхъ кружкахъ. Но я чувствую себя столькимъ обязаннымъ лицу своего времени, что не простилъ бы себѣ умолчанія о томъ, въ какомъ отношеніи лицей отъ 1848 г. по 1854 годъ былъ весьма существеннымъ факторомъ въ числѣ силъ, меня воспитавшихъ. Уповаю, впрочемъ, на то, что если читатели сопоставятъ тѣ факты, которые я приведу, съ проявленіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего времени, которыя масса публики предпочитаетъ, то едва ли сравненіе всегда окажется невыгоднымъ для лицея. Слишкомъ странно было бы смѣшивать то, что законъ исполнилъ незаслуженно предоставляетъ

лицеистамъ привилегированное служебное положеніе и не симпатичность такого обособленія горсти юношей съ тѣмъ, что имъ доставлялъ лицей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; изъ того, что привилегіи всегда предрасполагаютъ противъ тѣхъ, которые ими ограждаются, еще не слѣдуетъ однако того, чтобы не представляло интереса всмотрѣться и вдуматься въ лицей пятидесятихъ годовъ безъ предубѣжденія. Въ виду того, что крайне рѣдки примѣры, чтобы лицействъ, подобно мнѣ, 28 лѣтъ послѣ выпуска состоялъ въ томъ же чинѣ титулярнаго совѣтника, которымъ онъ окончилъ курсъ, но что, напротивъ, весьма многіе изъ товарищей моихъ по курсу и современниковъ моихъ по лицейю уже достигли іерархическаго положенія, предоставляющаго вліяніе, я попытаюсь дать себѣ отчетъ въ томъ, чего стоила внутренняя организація лицея моего времени.

Начну съ того, что можно назвать духомъ заведенія, который слагается изъ традицій и поддерживается направленіемъ преподаванія. Въ этомъ отношеніи я долженъ остановиться прежде всего на томъ, что хотя весьма многіе изъ насъ принадлежали къ такимъ семействамъ, въ которыхъ дорожили не только словомъ, но улыбкою лицъ, власть имѣющихъ; хотя многіе изъ насъ видѣли предъ собою открытое признаніе придворнаго низкопоклонства, но въ средѣ нашей не только не проявлялось и тѣни лакейства, но проявлялась даже независимость, насколько это было мыслимо въ пятидесятихъ годахъ до вступленія на престолъ Александра II. Мы не только не завидовали раззолоченнымъ камеръ-пажамъ, но Пажескій корпусъ, съ тѣхъ поръ радикально преобразованный, презирали, какъ собраніе молодежи, ничему не учащейся. Съ гордостію указывали мы, бывало, и на то, что всѣ, провалившіеся на экзаменѣ изъ младшаго курса лицея (IV) въ слѣдующій, преблагополучно поступали въ „Школу подпрапорщиковъ“ того времени. Лица, намъ преподававшія, настолько отличали лицей отъ другихъ закрытыхъ заведеній, воспитывавшихъ юношей нашего возраста, что жаловались даже намъ на свою горькую судьбу въ этихъ заведеніяхъ. Не забуду я того, съ какимъ негодованіемъ мы выслушали, напримѣръ, рассказъ весьма даровитаго профессора французской словесности А. Ваугеault, когда онъ передалъ намъ, какъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ одинъ прекрасный день, онъ, увлекшись лекціею,

былъ пораженъ тѣмъ, когда взглянулъ на слушателей своихъ, какъ одинъ изъ нихъ, при всеобщемъ сочувствіи, изволилъ стать на скамейку ногами вверхъ и головою внизъ, выдрыгивая ногами. Такой случай въ лицѣ моего времени, по крайней мѣрѣ въ XX курсѣ, былъ бы невысказанъ. Правда, что замкнутость вела къ школьничеству, которое поддерживалось и тѣмъ, что только старшимъ изъ насъ было 20 лѣтъ при выпускѣ; но самое школьничество было иного характера и направленія.

Такъ, напримѣръ, между тѣмъ какъ юнкера и пажи того времени хвастали другъ передъ другомъ тѣмъ, кто кого перепьетъ и перещеголяетъ еще кое въ чемъ, у насъ хвастали тѣмъ, кто кого больше прочелъ. Твердо помню, до чего общественное мнѣніе нашего курса относилось пренебрежительно къ тому, который мало читалъ; до такой степени, что если, бывало, товарищъ спроситъ, „читалъ ли ты“, положимъ, „Гамлета“, то отвѣчаешь непременно „читалъ“, хотя бы еще не успѣлъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ, и отъ дальнѣйшихъ разспросовъ отдѣлываешься уклончивыми отвѣтами; самъ же спѣшишь достать себѣ книгу, прочесть ее украдкой и затѣмъ возобновить о ней разговоръ. Все это конечно школьничество, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуешь о хорошемъ духѣ заведенія. Нашъ курсъ читалъ такое множество книгъ, что вѣроятно, подъ вліяніемъ реакціи, наступившей въ Россіи и западной Европѣ послѣ печальнаго вырожденія республики во Франціи въ Наполеоновскую деспотію, у насъ была введена цензура: было установлено, чтобы всякая изъ читающихся книгъ имѣла на себѣ подпись инспектора въ доказательство того, что она къ чтенію разрѣшается; помню какія вороха книгъ мы свозили по воскресеньямъ, возвращаясь изъ дому, оставляя въ швейцарской книги, которыя затѣмъ въ понедѣльникъ утромъ разносились по классамъ, за исключеніемъ отобранныхъ, о которыхъ начальство предполагало, что мы отвозили ихъ обратно домой, не читая ихъ. Въ числѣ такихъ книгъ оказались у меня на послѣднемъ курсѣ сочиненія Фейербаха и инспекторъ не рѣшался выдать мнѣ ихъ, но меня отстоялъ профессоръ университета, и у насъ читавшій, П. Д. Калмыковъ, доказавъ ему, что книга, мною привезенная, имѣетъ ближайшее отношеніе къ теоріи права и потому должна быть мнѣ разрѣшена. Само собою разумѣется, что товарищи обмѣнивались книгами

между собою; нерѣдко бывали и диспуты о прочитанномъ и одну изъ любимыхъ темъ и бесѣдъ такого рода я помню: то было сравненіе характеровъ „Чайльдъ Гарольда“ Байрона съ „Вертеромъ“ Гете, „Печоринымъ“ Лермонтова и „Евгениемъ Онѣгинымъ“ Пушкина; читали въ нашемъ курсѣ на русскомъ и трехъ иностранныхъ языкахъ, но на англійскомъ лишь немногіе, хотя всякій изъ насъ и долженъ былъ въ послѣднемъ курсѣ писать сочиненія по англійски. Я рѣшительно не помню, чтобы у насъ читались романы; если и читались, то весьма рѣдко, а я не прочелъ въ лицѣ ни одного; но читалась масса классическихъ произведеній и научныхъ книгъ.

Поступили мы въ лицей съ весьма различною подготовкою, что касается чтенія: были въ нашей средѣ мальчики 13 и 14 лѣтъ, до этого возраста много прочитавшіе такого, что по силамъ этимъ лѣтамъ; но были и такіе, которые выросли на безсистемномъ и непосильномъ чтеніи и въ числѣ ихъ сынъ профессора З., который, забираясь въ бібліотеку отца и глотая тамъ всевозможныя книги, не переваривая ихъ, къ четырнадцатилѣтнему возрасту выработалъ изъ себя „атеиста“, стараясь просвѣщать и насъ въ этомъ смыслѣ. Но на каникулахъ пришлось ему поселиться на дачѣ рядомъ съ католическимъ патеромъ, знакомство съ которымъ повело къ нескончаемымъ диспутамъ; результатомъ ихъ получилось не только то, что З. сталъ въ высшей степени религіознымъ, но и то, что онъ сталъ бояться ада и діавола, добычею котораго онъ себя считалъ за свой уже исчезнувшій атеизмъ; бѣдный З. заболѣлъ; я дежурилъ при немъ въ больницѣ и самъ былъ свидѣтелемъ потрясающей сцены: къ лицейской больницѣ съ грохотомъ подъѣхала карета; больной мой, лежавшій до тѣхъ поръ смирно, узнававшій меня, безошибочно произносившій алфавитный списокъ воспитанниковъ нашего курса, и только изрѣдко заговаривавшійся, вдругъ вскочилъ, зарыдалъ, затрясся и покрылся холоднымъ потомъ: „за моею душою пріѣхали, кажется“, кричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ: „въ адъ повезутъ, прямо въ адъ“. Карета эта дѣйствительно предназначалась для З., котораго и отвезли въ лечебницу для душевнобольныхъ, откуда онъ возвратился на столько здоровымъ, что могъ окончить курсъ; но съ годъ послѣ выпуска онъ замѣнилъ дорогой бобровый воротникъ свой на пальто кошачьимъ мѣхомъ,

поясняя, что дорогой воротникъ проданъ имъ въ пользу бѣдныхъ; затѣмъ посѣщавшій его товарищъ былъ свидѣтелемъ того, какъ З., увидѣвъ во дворѣ слѣпого, игравшаго на кларнетѣ, снялъ съ себя халатъ и туфли и выбросилъ ихъ въ окно нищему; послѣ этого несчастнаго З. потеряли изъ виду, но знали о немъ, что онъ кончилъ помѣшательствомъ, положившимъ предѣлъ слишкомъ рано развернувшейся жизни этого даровитаго юноши. Такого рода опасность не предстояла мнѣ, такъ какъ по причинамъ, и до сихъ поръ для меня не вполне разъясненнымъ, я почти ничего не прочелъ въ дѣтствѣ и къ названному мною „Робинзону“, прочитанному еще въ Новѣгородѣ, могъ бы добавить развѣ исторію Ламе Флѣри и нѣсколько повѣстей Нирица, произведшихъ на меня впечатлѣніе. Всегда бывши отличнымъ ученикомъ, я, до поступленія въ лицей, почти ничего не читалъ, хотя весьма хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ и нѣмецкимъ, а по англійскому языку зналъ какъ разъ то, чего требовали, т. е. немного. Поступивъ въ лицей, я въ первое время сталъ лѣниться не только читать, но и готовить уроки и упробилъ нашего доктора принять меня на нѣсколько дней въ больницу; докторъ Н. Л. Тавасть никогда не былъ знаменитымъ врачомъ, но славился своею добротою и, какъ оказывается теперь, былъ педагогомъ въ душѣ: принимая меня въ больницу, онъ не видѣлъ во мнѣ лѣнтяя, котораго онъ портитъ, поощряя его лѣнь, но юношу пятнадцати лѣтъ, который себѣ немного оскомину набилъ ученіемъ и которому хотѣлось отдохнуть; допустивъ меня въ больницу, онъ далъ мнѣ поскучать нѣсколько дней отъ одиночества и праздности, а затѣмъ сказалъ мнѣ: „не дать ли вамъ какую нибудь книгу почитать?“ Это предложеніе было принято мною съ восторгомъ и я не прочелъ, а проглотилъ съ величайшимъ наслажденіемъ комедіи Мольера, присланныя мнѣ докторомъ. „Не пора ли въ лицей?“ сказалъ мнѣ послѣ этого Тавасть; „нѣтъ, дайте еще книгу“, отвѣчалъ я ему. „Ну, извольте; но это ужъ будетъ послѣдняя, не правда-ли?“ „Даю слово“, сказалъ я съ достоинствомъ истаго питомца Крюммера. Проблаженствовавъ еще дня три надъ интересною книгою, я возвратился въ классъ навсегда выздоровѣвшимъ отъ нежеланія читать и съ этихъ поръ книги уже не выпускалъ изъ рукъ, а учиться сталъ лучше и настолько, что за послѣдніе три года пребыванія моего въ лицей

непрерывно состоялъ первымъ по успѣхамъ и никогда ни изъ одного предмета не получалъ менѣе полного балла (12). Очень усердно занимаясь, я всегда находилъ время и читать и усвоилъ себѣ при этомъ методъ, который вѣроятно не мало содѣйствовалъ къ тому, чтобы я могъ надлежащимъ образомъ переваривать прочитанное: изучая въ послѣдніе три года исторію словесности русской, французской, нѣмецкой и англійской, я старался въ чтеніи, по возможности, поспѣвать за курсами профессоровъ и читать авторовъ именно тогда, когда разбирали ихъ на лекціяхъ профессора. Многіе изъ товарищей поступали такимъ же образомъ, при чемъ появилась въ насъ амбиція, отвѣчая профессору, отнюдь не придерживаться того, что за нимъ было записано нами на лекціи, но говорить непременно на основаніи самостоятельно прочитаннаго, чтобы не быть просто „казенникомъ“, или даже (о ужасъ!) „ребенкомъ“. Не только по литературамъ, но и изъ многихъ наукъ старались мы отвѣчать „не по запискамъ“, но такъ, чтобы видѣли, что человекъ „читаетъ“. Это было несомнѣнно школьничествомъ для юношей лѣтъ 17 и 18, но такимъ, которое свидѣтельствовало, по направленію своему, о хорошемъ духѣ лица моего времени и заронило не въ одного изъ насъ истинную любовь къ знанію и дѣйствительное сочувствіе нравственнымъ интересамъ, не говорю уже объ обогащеніи знаніемъ и развитіемъ, такъ какъ не могло же оставаться безъ послѣдствій систематическое чтеніе такого множества книгъ, какое проходило чрезъ наши руки. Если я говорю о томъ, что ХХ курсъ лицея читалъ со страстію и толкомъ; если я вспоминаю о томъ, что Б. и С. изучали съ блестящимъ успѣхомъ, но не безъ нѣкотораго фанфаронства, греческій и итальянскій языки, то я не хочу сказать этимъ того, чтобы и въ ХХ курсѣ не было молодцевъ, вполне достойныхъ прозванія „государственныхъ младенцевъ“; но такихъ было у насъ всего человекъ пять—шесть на двадцать пять воспитанниковъ, и для этого меньшинства попойки, волокитство и посѣщеніе цирка составили такую спеціальность по праздничнымъ днямъ, что и въ стѣнахъ лицея они ни о чемъ больше не толковали и даже воспроизводили представленія цирка въ той изъ комнатъ, въ которой люди взрослые уединяются ежедневно на нѣсколько минутъ, и гдѣ учащаяся молодежь закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній собирается

обыкновенно для митинговъ и куренья; но, повторяю, что значительное большинство нашего курса работало чрезвычайно усердно.

Любопытно было бы дать себѣ теперь отчетъ въ томъ, какой образъ мыслей выработывался въ насъ лекціями и чтеніемъ? Мы были „либералами“ для того времени, что выражалось нашею ненавистью къ произволу, къ палкѣ и солдатчинѣ, живымъ воплощеніемъ которой служилъ для меня одинъ изъ нашихъ „дядекъ“ (служителей), унтеръ-офицеръ Новоселевъ, съ однимъ усомъ надъ губами; на вопросъ мой, куда дѣвался его второй усъ, Новоселевъ отвѣчалъ мнѣ: „ихъ сіятельство графъ Клейнмихель изволили вырвать на смотру“. Таковы-то были сороковые и начало пятидесятихъ годовъ, по которымъ и по настоящее время еще нѣкоторые у насъ вздыхаютъ. Лицеисты моего времени были представителями „статскихъ“, которыхъ въ эти времена господства военщины презрительно прозывали „штафирками“, а потому мы были глубоко оскорблены происшествіемъ съ барономъ Виттенгеймомъ, надѣлавшимъ въ свое время много шума: въ Павловскѣ, на гуляньѣ, шелъ Виттенгеймъ съ родственницею своею, какъ подпившему и шедшему за нимъ гвардейцу вдумалось кулакомъ ударить его по круглой шляпѣ и надвинуть ему ее чуть не по шею; освободившись отъ этого удовольствія, Виттенгеймъ, не долго думая, обернулся и вытянулъ гвардейца своей тросточкой по лицу. Пошла потѣха по всему городу: штафирка осмѣлился ударить гвардейскаго офицера; по повелѣнію императора Николая былъ немедленно наряженъ надъ Виттенгеймомъ судъ, у котораго стало однако мужества оправдать Виттенгейма; императоръ подчинился приговору суда, такъ какъ не сдалъ Виттенгейма въ солдаты, что въ то время дѣлалось весьма легко; но тѣмъ не менѣе онъ повелѣлъ посадить его на три дня на гауптвахту, говоря: „я все-таки не могу дозволить бить моихъ офицеровъ“. А мы, статскіе, развѣ чужіе, что-ли? Такъ разсуждала лицейская молодежь. Независимость наша проявлялась и въ томъ, что мы съ фанфаронствомъ не признавали авторитета генераловъ, которые въ то время были въ большомъ почетѣ, и никакими силами нельзя было настоять на томъ, чтобы мы отдавали имъ честь на улицѣ. Въ вопросахъ философскихъ и научныхъ, насколько они были намъ по силамъ, мы въ стѣнахъ лицея раздѣляли наиболѣе передовыя воззрѣнія, не подчиняясь рутинному

мнѣнію большинства современнаго общества; но современной жизни политической и общественной для насъ не существовало. Соціальный вопросъ, насколько могу припомнить, къ намъ вовсе не проникалъ, а о встрѣчавшихся въ исторіи попыткахъ къ ограниченію самодержавной монархіи мы бесѣдовали только шопотомъ, шопотомъ же рассказывая другъ другу о лиценстахъ, намъ предшествовавшихъ, которые бывали замѣшаны въ политическіе процессы; даже 1848 годъ прошелъ для насъ почти безслѣдно въ смыслѣ современной намъ политико-соціальной бури, такъ какъ въ то время въ русскихъ газетахъ можно было прочесть изъ современныхъ извѣстій о западной Европѣ развѣ о томъ, что лѣто 1848 года было очень жаркое, а о Россіи, гдѣ во многихъ областяхъ свирѣпствовалъ индѣйскій или китайскій голодъ, что „извѣстія объ урожаѣ не вполне благопріятны“. Въ эти годы, когда правительственная политика состояла въ томъ, чтобы шпицрутенами законопатить малѣйшую щель въ Европу и самоуслажденіемъ готовить Крымскій разгромъ 1856 года, у насъ не было ни одной русской газеты въ настоящемъ смыслѣ слова, а иностранныя книги и газеты проникали съ такимъ трудомъ, что лишь крайне немногіе могли ими пользоваться. Въ бытность мою въ лицей и даже въ самомъ началѣ воскресенія Россіи при Александрѣ II наши газеты печатали такъ мало извѣстій о Россіи, что я самъ, живя въ деревнѣ, нѣкоторое время получалъ бельгійскую газету „Le Nord“, такъ какъ она была офиціозною газетою русскаго правительства и въ ней говорилось о Россіи гораздо болѣе, нежели въ русскихъ газетахъ. Мудрено ли, при такихъ условіяхъ, что лиценсты моего времени не жили современными интересами своего народа.

Воспитанная во мнѣ симпатія къ интересамъ нашего крестьянства поддерживалась только бесѣдою съ немногими изъ товарищей, которые, подобно мнѣ, имѣли случай сблизиться съ ними въ дѣтствѣ, и тѣмъ, что пансіонъ Филиппова, какъ я уже говорилъ, заронилъ въ меня педагогическую искру: съ самаго поступленія въ лицей, даже еще раньше, проводя каникулы въ деревнѣ, я всегда обучалъ какого нибудь крестьянскаго мальчика. Лекціи профессоровъ могли лишь мало вліять на наше политическое развитіе и на народное направленіе, что станетъ понятнымъ читателю послѣ того, какъ онъ ближе ознакомится съ на-

шею учебною программю; единственнымъ профессоромъ, косвенно, но сильно поддерживавшимъ выработанную во мнѣ раньше мечту о работѣ на благо крестьянъ, былъ профессоръ и извѣстный того времени ученый, Сахаровъ. Онъ читалъ намъ, быть можетъ никому изъ насъ ненужную палеографію, обучая насъ разбирать и воспроизводить древнія рукописи, написанныя уставомъ, полууставомъ и скорописью; но важно то, что онъ былъ изъ первыхъ собирателей народныхъ сказокъ и преданій и, записавъ ихъ, напечаталъ подъ именемъ: „Сказанія русскаго народа“. Нѣкоторые изъ насъ не только прочитали эту книгу, но и искали общества этого представителя народнаго начала въ нашей средѣ. Въ остальныхъ же курсахъ мы могли почерпнуть челоуѣчность, что и было въ высшей степени благодѣтельно, что и составило самое драгоцѣнное благо, вынесенное нами изъ лица, но мы лишь въ самой слабой степени могли чрезъ посредство профессоръ развиться политически и сблизиться съ своимъ народомъ; такъ стояло въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ дѣло у насъ, которые были болѣе или менѣе забыты реакціею, какъ ничтожная, по числу, горсть мальчишекъ, а въ университетахъ того времени профессора пользовались, быть можетъ, еще меньшею свободою преподаванія, такъ какъ самые университеты, число слушателей которыхъ было ограничено до смѣшнаго, считались не только роскошью, но вреднѣйшими разсадниками „вольнаго духа“, котораго цензоръ не пропустилъ даже въ поваренной книгѣ Авдѣевой, совѣтовавшей хозяйкѣ поставить какое-то пирожное „въ вольный духъ“.

VI.

Постараюсь съ полною искренностію ознакомить читателей съ тѣмъ, чему и какъ насъ учили въ лицѣ двадцать восемь и болѣе лѣтъ тому назадъ; полагаю, что непредубѣжденный читатель, выслушавъ меня, согласится со мною въ томъ, что обученіе въ лицѣ представляло многія слабыя стороны, но что тѣмъ не менѣе не мало есть и основаній для моей признательности лицю и нѣтъ данныхъ на то, чтобы сравнительно съ университетами отзываться о лицѣ того времени, какъ о ничтожествѣ.

Начну съ того, что обученіе продолжалось въ то время, какъ и теперь, шесть лѣтъ, но курсы были не годовые, какъ въ настоящее время, но полуторогодовые, а потому курсовъ было всего четыре и экзамены держались при переходѣ изъ курса въ курсъ; это представляло ту выгоду, что терялось меньше времени на экзамены, которыхъ было, считая и выпускной, всего четыре, а не шесть. Впрочемъ случайность, неразлучная съ экзаменомъ, въ значительной степени ослаблялась для послѣднихъ трехъ лѣтъ обученія, соотвѣтствовавшихъ университетскому курсу, такою организаціею репетицій въ теченіе года, которой я съ тѣхъ поръ, какъ школьное дѣло стало моею спеціальностію, не встрѣчалъ нигдѣ, ни въ Россіи, ни за-границей; эта организація была на столько цѣлесообразна и оригинальна, что я позволю себѣ ознакомить съ нею читателя. Въ первые три года обученія въ лицей спрашивали уроки, какъ въ гимназіяхъ, т. е. часть учебнаго часа затрачивали на преподаваніе, а остальное время на вопросы, или же особый часъ посвящали переспрашиванію, никогда не имѣя возможности переспросить всѣхъ тридцати воспитанниковъ курса; понятно, что мы, какъ и гимназисты, всегда спекулировали на то, спросятъ ли меня сегодня, или нѣтъ? Не такъ стояло дѣло въ послѣдніе три года обученія, которые назывались старшимъ курсомъ. Для того, чтобы понять организацію „репетицій“ въ этомъ курсѣ, представимъ себѣ, что учебный годъ начинается съ января мѣсяца; въ январѣ воспитанники совершенно свободны ежедневно до 12 часовъ, а профессора посѣщаютъ ихъ съ 12 часовъ и до 4 часовъ читаютъ имъ лекціи, никогда не предлагая имъ вопросовъ. Въ февралѣ и послѣдующіе мѣсяцы лекціи продолжаются ежедневно отъ 12 до 4 часовъ; но независимо отъ этого каждый изъ профессоровъ бываетъ въ лицей одинъ разъ въ недѣлю, а за мѣсяць четыре раза, отъ 9 часовъ утра до 11 часовъ для „репетиціи“, т. е. для провѣрочнаго испытанія по содержанію только тѣхъ лекцій, которыя прочитаны въ предъидущій мѣсяць. Такъ какъ каждый профессоръ бываетъ по четыре раза для провѣрки одной и той-же части курса, то приблизительно 25 воспитанниковъ класса подраздѣлены на четыре группы, называвшіяся „смѣнами“, и каждый день каждая смѣна сдаетъ по репетиціи только по одному предмету. Начавъ учебный годъ съ января мѣсяца, представимъ себѣ теперь, положимъ, первый учебный

день февраля: отъ 9 часовъ до 11 час. 1-я смѣна имѣеть репетицію по физикѣ, 2-я смѣна—по исторіи, 3-я смѣна по государственному праву, а 4-я по исторіи французской словесности. Результатомъ такого распредѣленія „репетицій“ было то, что на смѣну изъ шести или семи слушателей каждый профессоръ располагалъ двумя часами для того, чтобы провѣрить, какъ усвоено содержаніе не болѣе осьми лекцій, съ которыми требовалось такого знакомства, чтобы слушатель былъ въ состояніи дать въ нихъ отчетъ безъ одного наводящаго вопроса, какъ бы самъ прочиталъ лекцію. Такой обстоятельной провѣркѣ подвергался непременно каждый слушатель изъ всѣхъ предметовъ, изъ всего пройденнаго по каждому предмету. За каждую мѣсячную репетицію ставилась отмѣтка и права при выпускѣ предоставлялись не согласно случайностямъ, сопряженнымъ со всякимъ экзаменомъ, но на основаніи средняго вывода изъ мѣсячныхъ репетицій за три года, одного переводнаго экзамена и выпускнаго. Если уже существуетъ такая система воспитанія, которая считаетъ возможнымъ предоставленіе чиновъ за успѣхи въ школѣ, то нельзя не сочувствовать тому, что въ лицѣ моего времени выпускной результатъ зависѣлъ не только отъ того, что слушатель подзубрилъ къ экзамену, но отъ того, сколько онъ проявилъ настойчивости въ занятіяхъ въ теченіе трехъ лѣтъ; на этихъ же основаніяхъ выдавались и медали, при чемъ принималось въ расчетъ и такъ называемое „поведеніе“, но такъ, что я, напримѣръ, удостоенъ серебряной медали, вмѣсто золотой, за то, что два съ половиною года до выпуска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ курилъ и такъ не ловко, что попадался и раза три сидѣлъ за куренье въ карцерѣ. Крайне нелѣпо было бы рекомендовать что нибудь похожее на репетицію для университетовъ, которые предназначаются не для юношества только, но должны быть доступны всѣмъ взрослымъ, ищущимъ научнаго образованія по той, или иной спеціальности; но едва ли существовавшая въ мое время система репетицій, которая примѣнялась къ юношамъ 16 и 18 лѣтъ, не содѣйствовала въ значительной мѣрѣ къ тому, чтобы мы добросовѣстно работали, подъ опасеніемъ не случайнаго, но непрерывнаго, періодически ежемѣсячно наступавшаго контроля и къ тому, чтобы мы основательно усвоивали пройденное: прослушать цѣлый курсъ, или, прослушавъ его, проотвѣчать его отъ начала и до конца и прослушать его на

репетиціяхъ вновь изъ устъ товарищей—не одно и то же. Впрочемъ, отдавая справедливость системѣ ежемѣсячныхъ репетицій, придуманной нашимъ инспекторомъ Н. И. Миллеромъ, я выражаю мнѣніе нашего курса, которое господствовало въ нашей средѣ въ то самое время, когда эта система насъ же заставляла работать; производительность нашей работы увеличивалась тѣмъ, что мы, какъ я уже говорилъ, старались побольше прочесть въ связи съ лекціями профессоровъ.

Въ мое время было лишь весьма немного такихъ профессоровъ, которые, занимаясь у насъ, не читали бы лекцій и въ университетѣ. Изъ такихъ профессоровъ при мнѣ были два, унаслѣдованные нами еще отъ Пушкинскаго лицея: Георгіевскаго, котораго мы прозывали „Пепка“, который читалъ намъ короткое время какую-то невозможную пиштику по своей книгѣ, прозванной нами „Пепкино свинство“, замѣнилъ у насъ профессоръ Гельсингфорскаго университета и впоследствии академикъ Я. К. Гротъ, который за три года прочиталъ намъ весьма обстоятельный курсъ исторіи русской словесности, при чемъ меня и многихъ моихъ товарищей заражалъ своею высокою человѣчностью и назидательностію примѣра неусыпнаго труда подъ вліяніемъ любви къ своему дѣлу. Никакъ не сильнѣе Георгіевскаго былъ профессоръ Оболенскій, бывшій инспекторомъ въ Царско-Сельскомъ лицей; въ мое время онъ, подъ именемъ государственнаго права, читалъ намъ русскіе государственные законы, ни однимъ словомъ не касаясь теоріи права, сравнительнаго законодательства и исторіи права и притомъ по когда-то налитографированнымъ запискамъ, содержаніе которыхъ онъ зналъ наизусть и которое онъ могъ поэтому произносить во снѣ; результатомъ такого преподаванія было то, что и на „репетиціяхъ“ нѣкоторые изощрились считывать отвѣтъ свой по запискамъ, раскрытымъ за спиною дремлющаго профессора. Не преподавалъ въ университетѣ и профессоръ П. П. Шульгинъ, бывшій въ мое время главнымъ наблюдателемъ по преподаванію исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и читавшій лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія, въ лицей и старшихъ классахъ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ ни мало воспитывалъ насъ курсъ исторіи, но нельзя приравнивать П. Шульгина къ Георгіевскимъ и Оболенскимъ. Шульгинъ былъ человѣкъ очень знающій и способный, обладалъ хорошимъ даромъ слова, но къ

тому времени, когда мнѣ пришлось его слушать, устарѣлъ и пересталъ трудиться надъ наукой и, пользуясь своимъ генеральскимъ чиномъ, былъ гораздо болѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы новыя перепечатки составленныхъ имъ руководствъ находили себѣ сбытъ, такъ какъ онъ былъ обремененъ чрезвычайно многочисленнымъ семействомъ, нежели тѣмъ, чтобы увлекать слушателей. Но какъ ни старо было то, что намъ преподавалъ Шульгинъ и какъ ни клонили ко сну его самого его же лекціи, но курсъ его имѣлъ большое значеніе для моего развитія: Шульгинъ начиналъ, какъ оказалось впоследствии для меня изъ чтенія, съ весьма полнаго изложенія данныхъ изъ прекрасной книги Гизо „Исторія цивилизаціи въ Европѣ“, которая представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ первыхъ, по времени, и, кажется мнѣ, до сихъ поръ еще не превзойденныхъ попытокъ прагматическаго или философскаго обзора древней и средней исторіи. Въ то время, когда я слушалъ Шульгина, я выносилъ самое сильное впечатлѣніе отъ того, что впервые для меня выяснялось, преемственность и связь между различными фазисами развитія человѣчества; впервые выступали для меня причинность и взаимная зависимость историческихъ событій, которыя до тѣхъ поръ казались мнѣ по лекціямъ С. Н. Смарагова, не насъ однихъ, но всю Россію того времени наградившаго своими учебниками, какими-то случайными происшествіями. И. П. Шульгинъ покачивается, бывало, на кафедрѣ, машинально въ сотый разъ повторяя одно и то же и пробуждаясь всякія двѣ, три минуты для того, чтобы плюнуть, а я усердно за нимъ записываю и млѣю подъ впечатлѣніемъ отъ строгой логики Гизо. Этотъ вступительный курсъ, съ котораго И. П. Шульгинъ начиналъ курсъ новой исторіи, настолько пробудилъ во мнѣ интересъ и любовь къ исторіи, что послѣдующее изложеніе того же профессора было для меня горькимъ разочарованіемъ: начавъ съ такого прагматическаго изложенія событій, въ которомъ удѣлялось подобающее мѣсто политической внутренней жизни народовъ, народнымъ и научнымъ движеніямъ, И. П. Шульгинъ представилъ намъ всю исторію отъ 1517 года до 1789 года ничѣмъ инымъ, какъ непрерывно смѣнявшимся стремленіемъ государствъ къ преобладанію одного надъ остальными и стремленіемъ поддержать политическое равновѣсіе въ Европѣ. Нельзя отрицать того, что таковъ былъ и есть характеръ международной жизни Европы;

на неизмѣримо важнѣе и интереснѣе прослѣдить не за тѣмъ, какъ государства соперничали другъ съ другомъ во внѣшней политикѣ, но за внутреннею политикою главнѣйшихъ государствъ, за умственнымъ развитіемъ народовъ, которымъ часто обуславливалась и самая внѣшняя политика. И. П. Шульгинъ ничего не видѣлъ изъ-за „политическаго равновѣсія“ и настолько, что проглядѣлъ даже реформацію Лютера на цѣлыя 150 лѣтъ (отъ 1517 до 1648 г.), обусловившую всѣ европейскія событія, и періодъ реформаціи подраздѣлялъ на шесть періодовъ, называя ихъ, крайне характеристично для своего курса, такимъ образомъ: стремленіе Франціи къ преобладанію (намекъ на Франциска I), преобладаніе Австро-Испаніи, преобладаніе Испаніи, стремленіе Австріи къ преобладанію, преобладаніе Франціи на юго-западѣ Европы (Людовикъ XIV) и наконецъ преобладаніе Швеціи на сѣверо-востокѣ Европы (Густавъ Адольфъ). Всѣ эти шесть періодовъ профессоръ втискивалъ въ вѣкъ реформаціи, возстанія въ Нидерландахъ, англійской революціи, инквизиціи и цензуры, самыми названіями періодовъ какъ бы отводя глаза отъ главныхъ событій. Уже въ лицѣ чувствовалъ я, слушая И. Шульгина, что тутъ дѣло не ладно, и хотѣлось мнѣ иной пищи; тѣмъ не менѣе не могу не признать того, что я Шульгину и лицемо обязанъ самымъ возбужденіемъ аппетита, за удовлетвореніе котораго я усердно принялся послѣ выпуска изъ лица, проклиная И. П. Шульгина за то, что за три года онъ не сдѣлалъ намъ ни одного указація на литературу исторіи и источники и за то, что на время отъ 1789 года по 1815 онъ только намекнулъ, а о всѣхъ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 1815 годомъ, не произнесъ ни одного слова.

Теперь-то и уже давно я понимаю, что не отъ И. П. Шульгина зависѣла та поспѣшность и краткость, съ которою онъ излагалъ первую французскую революцію, а отъ того времени, когда онъ читалъ свой курсъ; умолчаніе же о девятнадцатомъ вѣкѣ пришлось тѣмъ болѣе простить профессору и лицемо моего времени, что не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ университетахъ нашихъ дней весьма часто всеобщую исторію заканчиваютъ еще вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года, считая болѣе безопаснымъ предоставить молодежи случайно и безъ критики ознакомиться съ тѣмъ, что вынесено Европою съ начала текущаго

вѣка вмѣсто того, чтобы посвятить ее въ это недавнее прошлое, безъ котораго настоящее вполне не понятно, систематически и предостерегая отъ увлеченій и ошибокъ. Но если не помышляютъ объ этомъ теперь, то тѣмъ менѣе думали объ этомъ въ мое время, когда такой почтенный ученый и настолько развитой человѣкъ, какимъ былъ П. Д. Калмыковъ, три года читавшій намъ исторію русскаго права, настолько старался растянуть свой курсъ, чтобы—Боже сохрани!—не добратъся до бывшихъ у насъ попытокъ къ ограниченію монархической власти; хотя П. Д. Калмыкову и удалась его военная хитрость и ему удалось избѣжать щекотливой темы, гдѣ о которой ему не хотѣлось, но курсъ его имѣлъ для насъ большое воспитывающее значеніе въ особенности потому, что курсъ русской и всеобщей исторіи, какъ я уже говорилъ, оставался безъ всякаго вліянія на наше политическое воспитаніе.

Исторія русскаго права читалась у насъ, какъ и большинство наукъ, профессоромъ университета. Такъ и Я. Баршевъ, и Ивановскій, и Милютинъ, которые читали у насъ, Баршевъ—римское право и исторію его, юридическую энциклопедію, уголовное право и уголовное судопроизводство, Ивановскій—статистику Россіи, статистику европейскихъ государствъ, политическую экономію и дипломатію, и Милютинъ—полицейское право,—читали лекціи и въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ только по нѣкоторымъ предметамъ курсы были полнѣе; гражданское право, финансовое право и гражданское судопроизводство были у насъ, къ сожалѣнію, предоставлены злосчастному профессору Оболенскому, о которомъ я уже упоминалъ.

Всѣми юридическими науками занимался я съ такимъ увлеченіемъ въ лицѣ, что могъ бы привести теперь, по воспоминаніямъ, подробную характеристику каждаго курса; но это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ основной мысли моей прослѣдить за тѣмъ, какое значеніе для моего воспитанія и развитія имѣлъ лицей. Поэтому я ограничусь указаніемъ на то, что лекціи названныхъ профессоровъ, кромѣ Оболенскаго, возбудили во мнѣ жажду знаній политическихъ наукъ въ такіе ранніе годы, что восемнадцати лѣтъ отъ роду я не только прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ, но изучилъ въ подлинникѣ „Духъ законовъ“ Монтескье, и драгоценный экземпляръ этой книги, испещренный

юношескими замѣтками, хранится до сихъ поръ въ моей библиотекѣ, какъ одна изъ первыхъ научныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ мною на мои, въ то время крайне ничтожныя, средства: до самаго выпуска изъ лица, въ которомъ я окончилъ курсъ на двадцать первомъ году, получалъ я ежемѣсячно только по пяти рублей на извозчиковъ и перчатки; но я ходилъ пѣшкомъ и пріучилъ себя никогда не надѣвать перчатокъ, а всѣ карманныя деньги, по возможности, затрачивалъ на книги, которыя покупалъ обыкновенно на Толкучемъ рынкѣ, на Большой Садовой, для того, чтобы достались онѣ мнѣ подешевле; такимъ путемъ добылъ я себѣ и „Esprit des lois“ Montesquieu, книгу, произведшую на меня громадное впечатлѣніе. Я касаюсь всего этого для того, чтобы охарактеризовать лицей и выяснить читателю, что я имѣю основаніе быть благодарнымъ этому учебному заведенію. Съ чтеніемъ „Духа законовъ“ почти совпало, по времени, насколько могу припомнить, событіе, происшедшее только для меня одного и только во мнѣ самомъ, но событіе первой важности, также свидѣтельствующее, если не ошибаюсь, о томъ, что нашъ курсъ могъ быть благодаренъ лицейю: слушая каждаго изъ профессоровъ въ отдѣльности, прислушиваясь къ тому, какъ каждый изъ нихъ надрывался для того, чтобы доказать всю важность своей науки, я сначала поддавался обаянію каждаго изъ ораторовъ по-очередно и думалъ, бывало: „и какъ бы я остался человѣкомъ, еслибы не именно этотъ благодѣтель раскрылъ предо мною тайны своей науки“. Но довольно скоро наступила минута, настолько потрясшая все мое существо, что помню ее живо: я сказалъ себѣ, что наука одна, что задача ея состоитъ въ изученіи человѣка и природы и что различныя науки, по которымъ читаются лекціи подъ разными названіями, ни что иное, какъ различныя точки зрѣнія все на того же человѣка и его дѣятельность и на природу; я былъ необычайно счастливъ этому „открытію“ и долго, очень долго ощущалъ доставленное мнѣ имъ наслажденіе.

Полагаю, что я могъ набрести на указанную мысль, послужившую для меня новымъ побужденіемъ учиться, благодаря философскому направленію читавшихся у насъ курсовъ по юридическимъ наукамъ и благодаря тому, что исторія англійской словесности читалъ ее лекторъ университета, чрезвычайно дарови-

тый M-ter Schaw), а въ особенности французской—читались у насъ въ теченіе трехъ лѣтъ чрезвычайно обстоятельно, при чемъ профессора отнюдь не ограничивались разборомъ только изящныхъ произведеній съ точки зрѣнія эстетической, но старались всякое литературное произведеніе связать съ его временемъ и не чуждались исторіи научнаго и философскаго развитія своего народа. Лекціи француза А. Bougeault, котораго я уже имѣлъ случай назвать, бывали для меня и многихъ моихъ товарищей такимъ наслажденіемъ, что и нѣсколько лѣтъ спустя я не забылъ о Bougeault и въ водоворотѣ парижскихъ развлеченій, и разыскалъ его въ Парижѣ, куда онъ къ тому времени удалился, оставивъ профессуру. Но съ именемъ почтенныхъ Бужо и Шау связываются и инья воспоминанія, не рекомендующія лица моего времени: этихъ почтенныхъ ученыхъ заставляли продѣлывать въ младшемъ курсѣ лица такія вещи, при воспоминаніи о которыхъ разбираетъ смѣхъ; дѣло въ томъ, что англичанинъ Шау, обладавшій серіознымъ филологическимъ образованіемъ, преподавалъ мальчикамъ пятнадцати лѣтъ ботанику на англійскомъ языкѣ, а Бужо, имѣвшій вѣроятно такое же понятіе о зоологіи, какъ Шау о ботаникѣ, преподавалъ зоологію на своемъ языкѣ. Легко представить себѣ, какіе ничтожные результаты могло давать такое преподаваніе, а потому нетрудно понять и то, что не всегда пришлось мнѣ вспоминать со смѣхомъ о томъ, какъ въ мое время относились въ лицей къ естественнымъ наукамъ; мнѣ пришлось учиться имъ уже послѣ выпуска изъ лицея, когда я понималъ, что образованіе безъ нихъ немислимо и когда я уразумѣлъ насколько методъ ихъ важенъ и для наукъ политическихъ и философскихъ, съ которыми я сроднился еще въ лицей на всю жизнь. Изъ естественныхъ наукъ преподавались у насъ дѣльно только физика и химія (читалъ ихъ извѣстный Щегловъ) и математика (Р. Щиглевъ и академикъ Чебышевъ); но, какъ я уже говорилъ, лишь немногіе изъ насъ увлекались этими предметами и я не былъ въ числѣ ихъ. Для того, чтобы развернулась предъ читателемъ вся программа университетскаго курса лицея, во всей полнотѣ и пестротѣ, мнѣ остается упомянуть лишь о нѣмецкой словесности, на преподавателя которой мы только въ послѣднее время были счастливы (г. Мюнуловъ) и о сельскомъ хозяйствѣ. Какъ? Въ лицей читали сельское хозяйство! Да, читатель, и чи-

таль его профессоръ университета Усовъ, въ высшей степени почтенный человекъ, увлекавшійся своимъ предметомъ. Въ то время организаторы программы лицея разсуждали вѣроятно такъ, какъ полагаютъ въ наше время многіе изъ ревнителей народной школы, считающіе возможнымъ втискать въ народную школу все то, что полезно, безъ всякаго отношенія къ тому, насколько школьникамъ удастся осилить всѣ навязываемыя имъ благодѣянія. Такъ какъ многимъ изъ насъ предстояло хозяйничать послѣ выпуска изъ лицея, то и признано было „полезнымъ“ ввести въ нашу учебную программу сельское хозяйство; но такъ думало начальство, а большинство слушателей, готовя себя для государственной службы и благодаря невѣжеству своему въ естественныхъ наукахъ, на которомъ я уже останавливалъ вниманіе читателя, считало курсъ сельскаго хозяйства вздоромъ и не иначе, какъ со смѣхомъ относилось къ тому, что директору вздумалось въ огромномъ лицейскомъ саду, вѣсковыя липы котораго были посажены еще Теофаномъ Прокоповичемъ, отдѣлить нѣсколько десятковъ квадратныхъ сажень подъ „опытное поле“, дѣйствительно представлявшее карриатуру, какъ по микроскопичности размѣровъ, такъ и по результатамъ культуры.

Я съ полною искренностію остановился на недостаткахъ лицейской программы моего времени, совершенно рационально, по моему мнѣнію, стремившейся къ энциклопедичности образованія, имѣющей свое значеніе въ государствѣ, нуждающемся и въ спеціалистахъ, но пересаливавшей многопредметностію, настолько обширною, что я забылъ на примѣръ упомянуть о томъ, что въ лицей, помнится мнѣ, три часа въ недѣлю, въ теченіи шести лѣтъ, посвящались латинскому языку, въ познаніяхъ по которому мы добирались до чтенія Энеиды Виргилія подъ руководствомъ профессора университета Лапшина. Но, думается мнѣ, если подвести итогъ всему сказанному и о школьничествѣ нашемъ, и о нашихъ занятіяхъ, то не останется мѣста для удивленія тому, что я вспоминаю о лицейѣ съ признательностію. При всемъ обиліи воспоминаній о лицейѣ, видное мѣсто въ средѣ ихъ занимаетъ для меня то, что уже въ младшемъ курсѣ лицея, на шестнадцатомъ году отъ роду, я преподавалъ, чѣмъ и сказала, еще раньше во мнѣ выработанная, какъ извѣстно читателю, склонность къ педагогическимъ занятіямъ. Тутъ мнѣ пришлось обучать русскому языку сына

тогдашняго генеральнаго консула нашего въ Триестѣ, графа Кассини, который поступилъ въ лицей въ срединѣ года, отлично подготовленнымъ за границей по всѣмъ предметамъ, но не зная ни одного слова по русски; я отозвался на вызовъ директоромъ желающихъ преподавать Кассини русскій языкъ и дѣло, благодаря богатымъ дарованіямъ ученика, пошло настолько успѣшно, что черезъ годъ нашъ иностранецъ совершенно обрусѣлъ, продолжая владѣть въ совершенствѣ своимъ роднымъ, италіанскимъ языкомъ, и кромѣ того французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Въ старшихъ курсахъ особенно труднымъ предметомъ считалась у насъ „теорія уголовного права“ и немалое наслажденіе доставляло мнѣ то, что нерѣдко находились желающіе послушать передъ „репетиціею“ моихъ разъясненій въ этомъ отношеніи; это удовлетворяло моей страсти, моей потребности преподавать. Не затерялось во мнѣ и еще одно педагогическое воспоминаніе изъ лицейской жизни: законоучителемъ лицея состоялъ докторъ богословія о. І. С. Кочетовъ, который читалъ намъ, согласно распоряженію того времени, касавшемуся и университетовъ, психологію и логику; при домово́й церкви лицея, въ которую одно время насъ обязательно водили не только къ обѣдни, но и ко всенощной, по субботамъ, думая расположить насъ этимъ къ религіи, состояли особый священникъ и діаконъ, посвященный изъ дьячковъ. Съ этимъ-то діаконемъ и пришлось мнѣ сойтись на поприщѣ педагогіи, такъ какъ онъ былъ единственнымъ наставникомъ приюта, въ составъ котораго входили дѣти лицейскихъ служителей; ежедневно ребятишки по утрамъ собирались въ нашъ предбанникъ, служившій имъ классной комнатою, и тамъ поучались отцомъ діаконемъ по всѣмъ правиламъ педагогіи духовнаго вѣдомства того времени, т. е. при непрерывномъ сѣченіи; при этихъ занятіяхъ случалось мнѣ присутствовать, при чемъ я былъ разъ и на такъ называемомъ „уроку послушанія“. Такимъ урокомъ отецъ діаконъ, котораго у насъ просто прозывали Михеемъ, называлъ упражненіе, состоявшее въ томъ, что онъ скомандуетъ „руки на-крестъ, руки вверхъ, лѣвую вверхъ, руки впередъ“ и проч. и непременно поколотитъ того изъ малютокъ, который не довольно быстро исполнитъ требуемое тѣлодвиженіе, или прозѣваетъ команду.

VII.

Время, проведенное мною въ лицѣ, связывается для меня, по воспоминаніямъ, съ нѣкоторыми изъ моихъ родственниковъ, у которыхъ я бывалъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ и общество которыхъ на мнѣ отразилось. Къ числу такихъ воспитателей моихъ долженъ я отнести покойнаго графа М. А. Корфа, котораго я часто видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Помню, что его умъ и образованіе производили на меня впечатлѣніе въ особенности потому, что я считалъ его „изъ нашихъ“, такъ какъ дядя окончилъ курсъ въ томъ же лицѣ въ одно время съ Пушкинымъ; уже 32 лѣтъ отъ роду, если не ошибаюсь, былъ онъ тайнымъ совѣтникомъ, но это не производило на меня никакого впечатлѣнія; скажу болѣе, что я на двадцатомъ году не понималъ даже того, какимъ образомъ высокая человѣчность и разностороннѣйшее развитіе этого въ высшей степени даровитаго и честнаго государственнаго дѣятеля мирились съ угодливістію по отношенію ко двору. Его карріера не только не привлекала меня, а служила мнѣ какъ бы предостереженіемъ противъ государственной службы, успѣхъ на которой, какъ я тогда рассуждалъ, покупается только цѣною самостоятельности и независимости; эти раннія размышленія вѣроятно не остались безъ вліянія на то, что впоследствии, по окончаніи курса, я оставался на коронной службѣ, не считая выборной, всего полтора года за всю мою жизнь и что уже въ ранней молодости выработалось во мнѣ честолюбіе особаго рода: не быть ничѣмъ *ex officio* и чѣмъ нибудь *de facto*. Но графъ Корфъ дѣйствовалъ на меня обаятельно, какъ директоръ публичной библіотеки, которой онъ былъ преданъ съ увлеченіемъ и страстію, а во мнѣ уже рано развилась слабость къ книгамъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня и то, что мнѣ случалось присутствовать при чтеніи дядей въ своей семьѣ отрывковъ изъ дневника, который онъ велъ за десятки лѣтъ и хранилъ въ величайшемъ порядкѣ; независимо отъ интереса, возбуждавшагося самимъ содержаніемъ, во мнѣ это чтеніе поселяло какое-то неопредѣленное, но и непреодолимое желаніе послужить обществу и сдѣлать что нибудь для отечества; молодость всегда

преувеличиваетъ свои силы, а потому и не опасна та молодежь, которая воображаетъ себѣ, что призвана къ чему-то великому, лишь бы обстоятельства направили эти силы на благо и дали исходъ избытку силъ. Чего не затѣветъ юноша, для котораго существуютъ не одни матеріальные интересы?... Предъ какою трудностію онъ остановится? Ни предъ чѣмъ! Такъ и я, лѣтъ девятнадцати отъ роду, еще бывши въ лицѣ, задумалъ переводить трагедію Корнеля, съ подлинника на нѣмецкій языкъ, который въ ту минуту, подъ вліяніемъ только что прочитанныхъ мною гекзаметровъ Мессіады Клопштока, почему-то казался мнѣ какъ бы специально предназначеннымъ для „высокаго стиля“. Въ то-же время написалъ я три повѣсти, существующія въ рукописи и по нынѣ въ качествѣ пожизненно заключенныхъ, просто по той причинѣ, что отъ этой неволи никто ничего не потерялъ и не потеряетъ. Вкусъ къ этимъ литературнымъ шалостямъ, нисколько не мѣшавшимъ мнѣ впрочемъ пожирать „запрещенныя“ въ то время записки по всеобщей исторіи профессора педагогическаго института Лоренца, появился во мнѣ подъ вліяніемъ высоко даровитаго и, къ несчастію, еще въ молодые годы умершаго, другаго дяди моего, барона Оедора Оедоровича Корфа, извѣстнаго въ исторіи нашей литературы по его „Воспоминаніямъ о Персіи“, весьма остроумнымъ фельетонамъ его въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ и нѣсколькимъ, и по настоящее время еще играющимъ, комедіямъ. Съ какимъ восторгомъ услышалъ я разъ изъ сосѣдней комнаты, когда дядя считалъ меня ушедшимъ, какъ онъ сказалъ своей женѣ: „вотъ единственный человѣкъ въ нашей семьѣ, который будетъ писать“; съ восторгомъ услышалъ я это потому, что очень довѣрялъ мнѣнію дяди, а всякаго автора въ то время, по идеализму моего направленія, считалъ чуть не посланникомъ небесъ; въ молодости вѣдь не представляются люди, торгующіе совѣстью и перомъ, не представляются литераторы-хамелеоны, литераторы-пресмыкающіеся, литераторы-доносчики; не представляются въ это блаженное время даже литераторы-тупицы; я по крайней мѣрѣ относился, въ бытность мою въ лицѣ, къ „писателю“, какъ къ „учителю“, а это послѣднее званіе, какъ я уже сообщалъ, издавна пользовалось большимъ почетомъ въ моихъ глазахъ и тѣмъ бѣльшимъ, что за время моего воспитанія въ

лицеѣ я не разъ успѣлъ подмѣтить, какъ недостойно общество относится къ гувернерамъ и гувернанткамъ, которыя, напротивъ, всегда пользовались моимъ особеннымъ расположеніемъ, какъ педагоги и какъ угнетенные, а я собственнымъ опытомъ извѣдалъ, что значитъ гнеть.

Баронъ Н. А. Корфъ.
